

Кодекс
экстремала

Андрей Михайлович Дышев

Кодекс экстремала

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137214
Кодекс экстремала: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-12745-3*

Аннотация

Большой любитель экстремальных приключений, бывший десантник, а ныне – частный сыщик Кирилл Вацура решил на досуге половить крабов на Черноморском побережье. Но вместо крабов обнаружил на берегу... изуродованный женский труп. Он мог бы оставить на месте страшную находку. Но не захотел. И фактически подписал себе приговор. Поскольку убитой оказалась самая богатая женщина Крыма, основательница финансовой пирамиды Милосердова. Теперь менты подозревают его в убийстве, а некие влиятельные лица пытаются его убить. Но не зря Вацура в свое время воевал в Афганистане. На пределе своих возможностей со страшным риском для жизни он пойдет до последнего, чтобы разобраться в этом деле. Как бывший солдат, настоящий частный детектив и подлинный экстремал...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	46
Глава 12	50
Глава 13	54
Глава 14	59
Глава 15	63
Глава 16	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Андрей Дышев

Кодекс экстремала

Глава 1

Гул усилился, тупая боль в ушах стала почти невыносимой. Мне казалось, что чьи-то мягкие, но могучие руки обхватили голову, как теннисный мячик, и начали медленно сдавливать. Двадцать-тридцать секунд я мог еще выдержать и, взмахнув одновременно обоими ластами, направил свое тело еще ниже, в плотную тень от обросшего рыжими водорослями и черными мидиями каменного исполина.

Моя жертва, не чувствуя опасности, грелась в скудных солнечных лучах, с трудом пробивавшихся сквозь толщу воды. Желтые блики плясали по его черной спине, покрытой белыми наростами, похожими на шляпки гвоздей. Я больше не делал никаких движений и просто падал на него медленно и беззвучно. От меня не было тени, я шел со стороны, противоположной солнцу, и мой паукообразный дружок ничего не подозревал, вращал своими глазками-телекамерами да лениво подносил ко рту то одну, то другую клешню.

За такие прекрасные образцы повар платил по высшему тарифу, и я настолько увлекся охотой на краба, что забыл о коварной глубине. Вода резко похолодела – я вошел в донный слой и вместе с колючим ознобом и совершенно безумной болью в ушах ощутил страх, который вдруг окатил меня волной. Дыхание уже металось в груди, легкие судорожно сжимались и разжимались, имитируя вдох и выдох, а я все еще скользил вниз, и краб стремительно увеличивался в размерах, напоминая темно-зеленый камень, обросший от старости ракушками. Оптический обман сбил меня с толку, и я плохо рассчитал свои силы. Глубина оказалась слишком большой, но в такой близости от цели я уже не мог остановиться. Азарт оказался сильнее страха и здравого разума. Когда обе мои руки нависли над широким, в две ладони, панцирем, краб неожиданно подогнул задние лапки, присел и выставил вверх свои огромные клешни. «Ах ты, таракан морской! – мысленно выругался я. – Ты еще предлагаешь мне подрасться?»

Я держался уже только одним усилием воли. Дыхательная трубка давно наполнилась водой, и теперь она просачивалась сквозь крепко сжатые зубы, будто кто-то пытался насосом закачать ее в мой рот, и я чувствовал языком холод и соль. Маска под давлением прижалась к моему лицу с такой силой, будто она боялась, что я сниму и выброшу ее здесь, на глубине; она растянула мне кожу, сделала узкими глаза, и теперь я, должно быть, здорово напоминал китайца.

Я сделал то, что делал уже не одну сотню раз: стараясь не попасться в капкан широко раскрытых клешней, средним и указательным пальцами левой руки я придавил краба ко дну, а затем перехватил правой, накрыв ладонью панцирь.

Внезапно меня словно током ударило: краем глаза я заметил движущийся левее и глубже продолговатый предмет. Он был слишком велик для черноморской рыбы, но от дельфинов, которых вокруг было великое множество, отличался узкой формой и странной манерой движения... Пока я щурил свои китайские глаза, тень, оставляя за собой пузыри, растворилась среди обросших водорослями камней, а краб, воспользовавшись моим замешательством, вцепился мне в большой палец. Я дернулся от боли, с опозданием понимая, что совершил непростительную ошибку, а краб одновременно разжал клешню, мягко опустился на дно и бочком рванул в узкую щель под камнем.

Я не стал провожать его взглядом, изо всех сил оттолкнулся ногами от дна и взмыл вверх. Два сильных взмаха руками, затем частый перебор ногами, снова руками... Я как

пробка вылетел на поверхность воды, срывая с лица маску с трубкой, сразу же лег на спину и, не открывая ослепленных солнцем глаз, с хрипом и стоном втягивал в себя воздух. «Гаракан, паук пучеглазый, клоп просоленный!» – ругал я то ли краба, то ли себя за неразумный риск. Голова гудела, перед глазами плыли красные круги. Легкие горели, словно я дышал раскаленным в сауне воздухом. «Что же это было? – думал я, вспоминая движущуюся над самым дном тень. – Может быть, померещилось от кислородного голодания?»

Чайка, выйдя прямо над моим лицом из стремительного пике, со свистом ушла вверх, испарывая пронзительную синеву. Я почувствовал на лице ветер от ее крыльев. «На мешок нацелилась», – понял я, притягивая ближе к себе плавающий рядом брезентовый мешок с крабами, подвязанный веревкой к поясному ремню. Намокший, он казался тяжелым, но я знал, что в нем сегодня всего десяток членистоногих особей, причем половина из них – совсем дети, и в ресторане «Парус» у меня их возьмут лишь по доллару пара. Эх, если бы того красавца-великана удалось вытащить!

Я перевернулся, лег на грудь лицом к солнцу и увидел, что течением меня отнесло от Дикого острова довольно далеко, и вечный шум волн, разбивающихся об его отвесные скалы, уже едва доносится до меня.

Я поплыл к острову, где осталась моя лодка, делая неторопливые, но сильные гребки, нацеливаясь на каменную арку, похожую на букву Л. Это творение природы служило мне маяком. Если плыть к острову, ориентируясь на арку, то течение обязательно снесет влево, к северному краю Дикого острова, к тому единственному месту, где можно выбраться на берег, не рискуя переломать себе руки и ноги.

Мешок с крабами немного мешал плыть, тормозил, как плавучий якорь, и я довольно долго боролся с волнами и прибоем, пока наконец не выбрался на горячие камни.

Остров – собственно, сказано громко. По сути это всего лишь скала, изрезанная трещинами и промоинами, расщепленная на две части, покрытая белой коркой засохшего птичьего помета, содрогающаяся от грохота накатывающих волн и истошного крика и хохота чаек, обосновавшихся здесь всерьез и надолго. Дикий остров стоит в шести километрах от берега, в пасмурную погоду его трудно увидеть, а в солнечную он напоминает гигантский акулий плавник. Его очень редко посещают люди. Лично я за весь сезон всего лишь дважды встречал туристов, добравшихся сюда на резиновых лодках. Воды на острове, естественно, нет, жечь костры ночью нельзя – пограничники сразу накроют. Потому и не пользуется остров слишком большой популярностью у любителей экзотики. Мне же приходится плавать сюда едва ли не каждый летний день – обязывает договор с рестораном.

Пошатываясь, я стащил с себя ласты, кинул их сушиться на солнышке и поднялся по камням выше, к тропе, над которой нависали карликовые крымские сосенки с кручеными, червеобразными стволами. От них почти не было тени, но этим жалким укрытием от полуденного солнца туристы все же не раз пользовались: у самого подножия скалы темнели пятна от костров; из гладких, отшлифованных морем булыжников были сложены стулья и стол.

Я не любил это место. Туристы, кем бы они ни были и какой бы любовью к природе ни пылали, все же относились к острову варварски. Консервные банки, бутылки, битое стекло, старую одежду и прочий мусор, который они оставляли здесь, увозить приходилось мне, а вот идиотские надписи о любви к рок-группам на плоском камне (не поленились, засранцы, банку краски с собой прихватить!) мне не удалось отмыть даже скипидаром. Не хочу сказать, что я отношусь к числу рьяных фанатов-экологов или состою в партии «зеленых», но к Дикому острову, раз уж он волей природы обособлен, отодвинут от человека, у меня отношение особое.

Я отошел от туристской стоянки метров на двадцать в сторону, сел в тени скалы и принялся отвязывать веревку от поясного ремня. Мокрый ремень, пока я нырял и гонялся за крабами, сильно натер мне поясницу, и теперь каждое движение заставляло кривиться

от боли. Крабы, почуяв воздух свободы, зашевелились и, когда я заглянул внутрь мешка, уставились на меня своими черными глазками, выдувая ртами пузыри.

Я вздохнул и снова затянул веревку. Мне всегда было жалко этих несурзных обитателей моря, которые с моей помощью превращались в деликатес и попадали на стол ресторана. «Такова жизнь!» – мысленно изрек я затасканную фразу, не обозначающую ровным счетом ничего и все же смягчающую чувство вины за мой негуманный промысел.

Время летело стремительно. При такой волне я смогу добраться до берега не раньше чем через два часа, а солнце уже перевалило зенит и скатывалось к горизонту. В «Парусе» я должен быть в шесть ноль-ноль, ни минутой позже. Опоздание сразу скажется на моем заработке. В шесть заканчивается перерыв, столики начинают занимать посетители, и поступают первые заказы на фирменное блюдо – крабы, фаршированные шампиньонами, под винным соусом. Это лакомство идет нарасхват, несмотря на то что маленькая порция стоит три бакса, большая – пять. Я же за весь сегодняшний улов вряд ли получу больше десяти долларов.

Этой ерундой – ловлей крабов – мне пришлось заняться после того, как окончательно лопнуло мое частное сыскное агентство. Косвенно виноват в этом был Валера Нефедов, мой бывший сослуживец по Афгану, работающий в Москве, в ФСБ. Я здорово укрепил его карьеру, когда раскрутил дело о наркотиках, поставляемых из миротворческих частей Таджикистана в цинковых гробах. В благодарность Валера предложил мне неплохую должность в его отделе, но я отказался. Я не умею беспрекословно подчиняться и тем более делать то, что противоречит моим правилам и привычкам. В свою очередь я попросил у Нефедова содействия в создании частного сыскного агентства.

Он нашел деньги, выписал аппаратуру, пробил разрешение на ношение оружия, помог с людьми. Осенью и зимой я здорово раскрутился. Апогеем моей деятельности стала история с бывшими проститутками, которых шантажировал некий малоприятный тип. Лет десять назад он активно пользовал девочек у себя дома, скрытой камерой снимая все подробности «досуга», затем долго следил за жрицами любви, составляя на каждую подробное досье, и наконец дождался, когда они поставили крест на своей работе, обзавелись безупречными репутациями, квартирами и респектабельными женихами. Приблизительно за неделю до свадьбы этот подлец подкидывал каждой невесте копию видеофильма с короткой запиской: что, мол, премьера этого фильма состоится на вашей свадьбе; избежать же этой маленькой неприятности можно будет в том случае, если вы переправите десять тысяч долларов по указанному адресу; угрозы, «быки» и даже наемные убийцы лишь усугубят ваше положение, потому как несколько видеокопий разосланы надежным людям с Центрального телевидения.

Этот тип, конечно, блефовал, и я взял его на довольно дешевую приманку. Полученный гонорар позволил мне еще долгое время безбедно жить, но его не хватало на содержание агентства. Заказов было много, но далеко не все клиенты могли оплатить наши расходы. Я снова обратился к Нефедову, но в то время он уже был занят чеченской войной, в поте лица разыскивал главного террориста и народного героя Ичкерии и ничем не смог мне помочь. Мои компаньоны – профессиональные сыскари – терпеливо ждали зарплаты три месяца, а потом вежливо откланялись: их перекупили наши конкуренты.

Так я переключился на крабов.

...Озноб прошел, но я все еще с содроганием смотрел на воду. Когда проводишь в море по два часа в день, очень скоро перестаешь радоваться его изумрудному свечению, белоснежной пене прибоя, солнечным бликам и прохладе брызг. Потому я немного завидовал курортникам: они ждут встречи с морем целый год, а то и несколько лет и воспринимают его как чудесное явление природы, как сказку, как источник райского удовольствия. Для меня море уже давно стало лишь источником простуд и заработка.

Я свесился с камня, опустил мешок в воду, подержал немного, чтобы мои несчастные пленники освежились и не утратили товарного вида. Леша Малыгин в отличие от меня пред-

почитает ловить крабов у мыса Меганом. Ныряет он классно – на десять метров опускается без всяких проблем и на три минуты задерживает дыхание. Но все равно ему не угнаться за мной: больше десяти крабов за день он не вытаскивает. Я приглашал его на Дикий остров, но Леша ленится грести веслами.

Брюки и майка, которые я постирал перед тем, как уйти под воду, давно высохли. Они лежали на плоском белом камне, словно труп, плоть которого на солнце превратилась в труху и разлетелась по ветру, а одежда осталась. Я прыгал на одной ноге, надевая брюки. Штанины из грубой джинсовой ткани обжигали кожу на ляжках. Это было приятно – тело требовало тепла. Кажется, я сегодня перекупался. Надо постараться согреться за веслами.

Лодку, если даже штормило слегка, я обычно затаскивал на сушу с восточной стороны острова. Сделанная из пластика, она была легкой, но недостаточно прочной, и я не решался оставлять ее на плаву, где любая шаловливая волна могла швырнуть ее на скалу и разломить пополам. Балансируя на острых углах, я размахивал мешком и прыгал с камня на камень, преодолевая природный хаос. «Ждать ли мне Лешу?» – думал я, рассчитывая в уме время. Мы привыкли встречаться у входа в ресторан за десять минут до его открытия, делиться впечатлениями от охоты и, получив деньги, выпивать стаканчик-другой массандровского портвейна.

Я спрыгнул с камня и зашуршал ногами по черному кварцевому песку. Вскоре остановился, словно налетел на невидимое препятствие, посмотрел по сторонам, потом зачем-то наверх, затем снова вокруг себя.

Лодки не было.

Глава 2

Очередная волна накатила на камни, разбилась о них в пену, и холодные брызги прострочили мне лицо. Если бы море было живым существом, эта его выходка непременно вынудила бы меня предпринять ответные меры. Но мне оставалось лишь довольствоваться матерной тирадой в адрес Посейдона и прочих морских богов и гадов да сильным плевком в сторону волн.

Я обошел место, где лежала лодка, рассматривая собственные следы, отпечатавшиеся на песке. Здесь было сухо, несмотря на то, что прибой разыгрался и отдельные капли долетали до меня. Значит, волной унести лодку не могло. Оставалось единственное объяснение – это чья-то дурацкая шутка, в ответ на которую обязательно следует бить по роже.

Я опустил мешок в воду и, чтобы его не унесло, привязал веревку к увесистому булыжнику. Со свободными руками легче было взобраться на «акулий плавник». Кроссовки отлично «липли» к наждачной поверхности скалы, и я взбежал наверх на четвереньках, как муха по стене. Когда выпрямился, то сразу увидел свою лодку. Ее уносило течением в открытое море, и уже сейчас до нее было не меньше полутора километров. Прикрывая глаза ладонью от нестерпимо яркого света, отраженного поверхностью моря, я несколько минут всматривался в темную черточку на зеркальной поверхности, покрытой рябью волн. Мне показалось, что оба весла аккуратно сложены на дне лодки. Я же, перед тем как уйти под воду, оставил их на песке.

Трудно передать мое состояние. Хрустнув костяшками пальцев, я еще раз посмотрел на медленно удаляющуюся лодку, как Робинзон – на уходящий корабль. Не знаю, шутка ли это, злой умысел или попросту чья-то неосторожность, но беспорядочные ругательства срывались с моих губ неудержимым потоком.

Я повернулся в другую сторону – скорее неосознанно, испытывая потребность в любом движении и желание куда-то идти, бежать, крушить, ломать все на своем пути, как вдруг замер, не сводя глаз с маленькой бухты, огражденной горами каменного мусора, среди которых, словно гейзеры, время от времени взлетали вверх фонтаны брызг. В центре бухты покачивалась на волнах небольшая моторная яхта с белоснежной надстройкой капитанской рубки, увенчанной никелированным шпилем с выцветшим флажком, с кормовой палубой, обведенной веревочной плетенкой, с квадратными окошками кают-компания и сверкающими кругами трюмных иллюминаторов. На носу голубой краской было выведено: «АССОЛЬ».

Два часа назад, когда я начал ловлю крабов, ее здесь еще не было. Яхта, видимо, подошла к острову со стороны мыса Ай-Фока, потому я и не заметил ее и не услышал гула мотора.

Необъяснимый побег лодки можно было увязать только с появлением у острова яхты. Я не видел людей ни на яхте, ни на берегу, не знал, кто они и понравится ли им моя брань, которую я уже приготовил, но не мог ни остановиться, ни приглушить в себе эмоции. «Шутники хреновы!» – мысленно ругался я, съезжая на заднице по испещренной солеными брызгами поверхности камня. Сейчас поплывем за лодкой. Заведем мотор и пойдем в открытое море. Больше некому было столкнуть ее в воду.

Пологий, выбеленный пометом чаек контрфорс, который словно поддерживал скалу и не давал ей рухнуть в пучину, стеной опускался в воду, и берега как такового подо мной не было. Можно было обойти скалу вокруг, но этот путь показался мне слишком долгим. Я был сверх меры рассержен на хозяев яхты, к тому же солнце стремительно падало за горизонт, и я мог опоздать к назначенному часу. Не раздумывая, я прыгнул в воду, вонзился в волны, и меня неприятно обожгло холодом. «Перекупался», – снова подумал я, выплыл на поверхность и, стараясь побыстрее выйти из воды, начал изо всех сил бороться с волнами. Серая

стена медленно проплывала мимо. Встревоженная стая чаек взметнулась в воздух, и белые птицы принялись кружить надо мной, горланя дурными голосами.

Конечно, я напрасно прыгнул в воду в одежде. Даже на теплом ветру в мокрой одежде можно замерзнуть до посинения. Когда я вышел на берег, меня колотила крупная дрожь, а подбородок трясся так сильно, что клацали зубы. Кроссовки издавали какой-то отвратительный чавкающий звук и при каждом шаге во все стороны плевались водой.

Проклиная хозяев яхты с удвоенной силой, потому как и в этом вынужденном купании они тоже были косвенно виноваты, я трусцой бежал по узкой тропе, скользкой между валунами, с каждым мгновением приближаясь к яхте. Я уже видел ее мерно раскачивающуюся никелированную стенгу, уже слышал, как скрипит якорный трос, отшлифовывая округлые края клюза, как вдруг нога потеряла опору, соскользнула с камня, и я, потеряв равновесие, полетел на гальку. Я непременно разбил бы себе голову, если бы вовремя не выставил обе руки вперед.

Удар был чувствительным – падать на остроугольные камни самое неблагоприятное занятие. Чертыхнувшись, я подтянул колени и сел, с удивлением глядя на свои руки. Они были не просто оцарапаны. Они были выпачканы в липкой темно-вишневой крови до локтей.

Первая мысль, что я сотворил со своими руками нечто ужасное, мгновенно сменилась другой: боли нет, ран не видно, значит, это не моя кровь, а чужая. Это был тот редкий случай, когда человек испытывает радость, увидев под собой лужу крови.

Я с ужасом отскочил в сторону – облегчение сменилось отвращением. Я поскользнулся на камне, залитом кровью. Точнее – не просто залитом. Этот большой плоский камень, похожий на наковальню, был покрыт слоем бурой студенистой массы, в которой переплелись пучки волос и омерзительные бесформенные комки, словно на камень вывалили ведро вишневых медуз.

С перекошенным лицом я поднялся на ноги, быстро подошел к воде и стал отмывать руки и кроссовки. Если бы я не был голоден, меня бы обязательно стошнило. «Что за гадость! – думал я. – Кого здесь освеживали? Дельфина? Чайку?.. Вообще-то, чтобы выпустить столько кровяки, надо как минимум двадцать чаек распотрошить».

Руки отмылись, только под ногтями еще остались коричневые полоски. Без щетки с ними ничего не поделаешь. И джинсы на правом бедре были вымазаны в гадкой слизи.

Стараясь не подходить близко к окровавленным камням, я некоторое время наблюдал за тяжелыми мухами с перламутровыми спинками, которые лениво ползали по бурым комочкам, увязая в тягучей слизи. Особенно много их было на пучке волос, свернутом кольцом. «Это произошло недавно, – думал я, невольно озираясь по сторонам. – Час назад от силы. Дельфин или чайки?..»

Я скрипнул зубами от злости на себя самого. «Кирилл, – сказал я сам себе, – не надо валять дурака! Неужели тебе мало Афгана и Таджикистана, чтобы с уверенностью сказать: это не дельфин и не птица. Это часть человека. Его кровь и мозги».

Я задрал вверх голову. Можно предположить, что кто-то сорвался с «акульего плавника». Судя по жуткому следу, оставленному несчастным, он вряд ли смог встать на ноги и уйти отсюда самостоятельно. Значит, он был не один. Пострадавшего – живого или мертвого – отсюда кто-то унес.

По спине прошелся холодок, словно морской ветер насквозь продул мокрую майку. Я снова посмотрел вокруг и уже медленно побрел к яхте, внимательно глядя себе под ноги. Если истекающего кровью человека несли на яхту, то на гальке должен был остаться кровавый след. Должен был, но не остался.

«А при чем здесь моя лодка? – думал я. – Ею хотели воспользоваться, чтобы перевезти несчастного на берег? Но почему на лодке, а не на яхте, что было бы намного быстрее?»

Может быть, у них внезапно закончился бензин? Может быть, разбился именно тот, кто в отличие от других умел управлять яхтой?»

Вопросы сыпались один за другим. Я не был готов к тому, что мне пришлось увидеть. Чужие проблемы сейчас меня не волновали, я не хотел вникать в них и ввязываться в чужую беду. «Всему свое время, – думал я. – Сейчас я устал, продрог, я хочу на берег, а мою лодку, как назло, унесло в открытое море. Я сам нуждаюсь в помощи и сочувствии».

Но я себя обманывал. Честное слово, я лучше, чем могу показаться. Никогда, ни при каких обстоятельствах не скажу вслух того, о чем сейчас думал. Вроде бы подготовился к тому, что покажу кукиш навстречу любой просьбе о помощи, но на самом деле я сразу же забуду и про своих крабов, и о встрече с Лешей, и про мокрую одежду и стану, если надо, перебинтовывать, делать искусственное дыхание, закрытый массаж сердца, отправлюсь вплавь до берега, чтобы отыскать врача, посадить его на моторку и привезти сюда, – буду делать все, что умею, до тех пор, пока кто-либо будет нуждаться в моей помощи. Это уже привычка, образ жизни, и я воспринимал это с покорностью обреченного.

Я вышел на маленький пляж, казавшийся серым и холодным оттого, что «акулий плавник» кидал на него огромную тень и она на глазах увеличивалась, захватывая пока освещенные солнцем камни. Яхта покачивалась напротив меня и по-прежнему казалась безлюдной. Натянутый, как струна, якорный трос удерживал ее носом к берегу. Я хотел свистнуть, привлекая к себе внимание, но вспомнил о крови на пальцах, которые намеревался вложить в рот, и с содроганием отдернул руку от лица.

– Есть кто живой?! – крикнул я, но шум прибоя заглушил мои слова.

Я стоял, сунув руки в мокрые карманы, и смотрел на яхту. Настроение у меня испортилось окончательно. Крик обезумевшей чайки, которая с остервенением пикировала на меня, едва не задевая крыльями лица, бил по нервам, и я почувствовал, как на меня накатывает волна холодного страха.

– Пошла вон! – крикнул я, нагибаясь за галькой размером с кулак, чтобы запустить ею в птицу, и тут увидел коричневый предмет. Поднял его и поднес к глазам, не сразу догадавшись о его предназначении.

Это была «фенечка» – крохотная, чуть больше пачки сигарет, сумочка из замшевой кожи на пеньковом шнурке, украшенная полированным деревянным шариком и кожаной бахромой. Я спрятал находку в карман и снова посмотрел на яхту.

– Ну тебя к черту! – тихо произнес я, но не шелохнулся, словно яхта гипнотизировала меня, подавляя волю. – Не нравится мне все это, – добавил я, сожалея о том, что рядом сейчас нет Лешы или на крайний случай Анны.

Потом склонился, снял кроссовки и машинально, не думая, стал подворачивать брюки до колен, вошел в воду, не спуская с яхты глаз. Вода дошла мне до груди, пока я дотянулся рукой до якорного троса. Огромный форштвень раскачивался прямо перед моим носом, норовя обрушиться мне на голову всем своим весом. Когда яхта приподнялась на очередной волне, я подтянулся на тросе, а когда пошла вниз – ухватился за край клюза, оперся о него ногой и, выпрямившись, перевалился на бак.

– Есть кто-нибудь на яхте? – снова повторил я и удивился тому, как неестественно прозвучал мой голос.

В больших прямоугольных иллюминаторах отражалось солнце, и я не мог разглядеть, есть ли кто в рубке. Придерживаясь рукой за снасть, я спустился с бака к двери и потянул на себя ручку.

Дверь открылась беззвучно и необычайно легко, словно кто-то очень постарался ее смазать, чтобы на моем пути не возникло препятствий, но зайти в рубку сразу я не решился. Пригнув голову, ослепленный солнцем, минуту я всматривался в приборный щиток, неболь-

шой штурвал из красного дерева с рукоятками, украшенными медными кольцами, в переборку и ступени, ведущие в кают-компанию.

– Эй! – уже совсем негромко позвал я. – Кто-нибудь нуждается в помощи?

Я вздрогнул от крика чайки, которая, сев на короткий бушприт и глядя на меня одним глазом, неистово захохотала, показывая червеобразный, загнутый кверху язычок.

– Тьфу, дура! – прикрикнул я на нее. – Пошла вон, и без тебя нервы на пределе!

Чайка замолчала, но слетать с бушприта не стала, продолжая наблюдать за мной. Чтобы войти в рубку, мне пришлось немного пригнуться, и я увидел свое отражение в зеркале, висящем напротив. «Ну и рожа, – подумал я, не удержавшись от сарказма в собственный адрес. – Глаза как у суслика, которого переезжает машина. Чего испугался, Кирюша?»

Рубка ничем особенным меня не привлекла, и я медленно спустился в кают-компанию. Два дивана у боковых переборок, ковровая дорожка с огромным мокрым пятном посередине. На журнальном столике, привинченном к полу, торчали деревянные футляры для бутылок – чтобы во время сильной качки не опрокинулись. Из футляров выглядывали бутылочные горлышки новосветского коллекционного шампанского; пепельница, стоящая на столе, была пустой, без окурков, но не вымытая. Бокалов не видно.

Из кают-компании я попал на камбуз. Стараясь ни к чему не прикасаться, посмотрел на газовую плиту, чайник, подвешенный на крюке, старательно обошел смазанные лужи на линолеуме. Тут либо кто-то намеревался вымыть полы, да почему-то не довел дело до конца, либо яхта недавно попала в сильный шторм и морская вода залила кубрик и кают-компанию.

Через заднюю дверь я вышел на кормовую палубу. Здесь также не было никого, и ничего любопытного я не заметил, кроме мокрой снасти, лежащей кольцом на палубе. Один ее конец был привязан ко кнехту, а второй связан большой петлей.

Я вернулся на бак и, придерживаясь за рычаг якорной лебедки, минуту рассматривал остров в надежде увидеть живую душу.

– Чертовщина какая-то, – пробормотал я и вернулся в рубку.

Жизнь научила меня в подобных ситуациях придерживаться строгих правил. Одно из них гласило: ни к чему не прикасаться, не оставлять после себя следов, и все-таки я с трудом подавил в себе желание взяться руками за штурвал, запустить мотор, двинуть вперед рычаг подачи топлива, сняться с якоря и отчалить от этого мрачного острова.

Я глянул на часы. Мои непромокаемые японские «Casio», снабженные прибором для измерения подводной глубины, почему-то запотели, и стекло покрылось изнутри мелкими капельками. Такое с ними случилось впервые.

Тряхнув головой, словно отталкивая невидимую помеху в сторону, сдерживающую мою решительность, я выскочил на бак и уже поднял над головой обе руки, чтобы прыгнуть в воду, сразу и навсегда распрощавшись с мрачным молчанием Дикого острова, но тут же застыл с поднятыми руками. Это была какая-то мистическая подсказка: я вдруг вспомнил штурвал, приборную панель и небольшой предмет, лежащий на ней. Зайдя в рубку, я почти не обратил на него внимания, но предмет запомнился. И сейчас интуиция сигналила: это главное!

Я медленно вернулся в рубку, все еще прислушиваясь к своим ощущениям. Открыл дверь, скользнул взглядом по приборной панели. Вот эта штука – дюралева трубка, изогнутая буквой Г. Взял ее, изменяя своим правилам, повертел в руке, рассматривая со всех сторон. Обыкновенный накидной ключ, каким пользуются проводники в поездах, только диаметром несколько побольше. Лежит явно не на своем месте, словно нарочно, чтобы попасться мне на глаза.

Я машинально пробежал взглядом по рубке, прикидывая, куда этот ключ можно воткнуть и какую дверь открыть. Потом вспомнил: когда-то у меня была яхта «Арго» – двумя

классами ниже этой, но многие детали и снасти на ней были идентичны. Подобным ключом треугольной конфигурации я открывал трюмные лючки.

Я снова спустился в кают-компанию, понимая, что намереваюсь совершить непростительную ошибку. Откинул ногой ковровую дорожку, встал на колени перед квадратной крышкой люка, вставил ключ в гнездо. Замок открылся легко, с тихим щелчком. Вынул утопленное в пазах кольцо и потянул за него. Крышка приподнялась.

Еще не видя трюма и того, что в нем, – мешала крышка, – я опустил ее на пол, переступил через черный квадрат и склонился над проемом. В нос ударил тошнотворный запах свежей крови, и я немного отпрянул от люка, будто боялся опять выпачкаться. Луч света через боковой иллюминатор упал на дно трюма. Я увидел женщину, лежащую ничком, раскинув в стороны руки, словно она пыталась противостоять качке и удержаться на рифленном полу. Почти каждый палец ее был украшен перстнем. На ногах тускло блестели лаковые туфли. Черная юбка была слегка задрана, белело смуглое бедро. Черный пиджак расстегнут, и его борта с золочеными пуговицами распластаны в стороны, будто крылья.

Голова у женщины отсутствовала. То, что от нее осталось, трудно было назвать головой – лишь изуродованная часть затылочной кости с мокрыми спутавшимися волосами.

Я ногой подкинул крышку, и та с глухим хлопком закрыла люк. Несколько мгновений, оцепенев, я смотрел на свои босые мокрые ноги, на следы, которые я оставил, на скомканный край ковровой дорожки. «Что-то похожее уже когда-то было, – подумал я. – Не бывает ничего нового, все в этой жизни повторяется».

Глава 3

Не знаю, кому как, а мне, например, часто приходится менять свои планы и ближайшие цели радикально, как говорится, на сто восемьдесят, причем в кратчайшее время. Сам я люблю определенность в жизни и стремлюсь, как принято было говорить раньше, к тому, чтобы быть уверенным в завтрашнем дне. К сожалению, судьба не считается с моими интересами и крутит мной как ей вздумается. Я вечно вляпываюсь во всевозможные истории, куда нормальный человек, по моему соображению, никогда не попадет. Это мой рок. Так, наверное, было предопределено звездами, когда я появился на свет божий. В недавнем прошлом меня несколько раз подставляли, вешая на меня убийства, махинации, теракты и прочий криминал. Конечно, в этом есть немалая доля и моей вины – стоит меня немного задеть, как я с радостью ввязываюсь в драку, в авантюры, рискую, не думая о том, чем это может для меня обернуться. А после удачного поединка с наркомафией я вообще обнаглел – открыл частное сыскное агентство и возомнил себя едва ли не агентом 007. Так я воспитан, такой у меня характер. Его долго ковали сначала детдом, потом бабуля, за которой я попутно ухаживал, потом служба в Афгане, Таджикистане... Всего не перечислишь. Но все это к тому, что моя психика настолько привыкла ко всякого рода потрясениям, что я теперь уже воспринимаю трупы, которые подкидывают мне под ноги, как тот камень, который в очередной раз сваливается с горы на голову Сизифа.

Надо быть идиотом, чтобы не понять: в том, что произошло в последние два-три часа на Диком острове, нет ничего случайного. Это был мой первый вывод, который не вызывал сомнений. Кому-то очень надо было, чтобы я или кто-либо другой зашел на яхту и оставил свои следы. Считаю, что этот «кто-то» своего добился. Я вляпался в кровавую кашу, как, извините, в дерьмо, и все еще ношу ее под своими ногтями; я оставил отпечатки пальцев на ручке двери, на ключе, на рычаге лебедки, на кольце крышки люка; я безнадежно «засветился» на острове, так как теперь мою лодчонку обязательно выловят морские пограничники, определят скорость течения, курс, снимут отпечатки пальцев с весел и легко докажут, что сегодня, ориентировочно с двенадцати до четырех часов пополудни, я был на острове. Словом, я полностью готов к употреблению, меня можно брать.

Я дал задний ход, стараясь не упустить ни одной детали. Во-первых, отпечатки пальцев. Все, к чему прикасался, я тщательно протер полотенцем, висевшим над плитой на камбузе, вышел через рубку на бак, закрыв за собой дверь. Я вытер ручку и выкинул полотенце за борт. Теперь, если только меня не засняли с острова на видеопленку, непросто будет доказать, что я поднимался на яхту. Прыгнув с бака в воду, вышел на камни, оглянулся. Яхта, этот новоявленный «Летучий голландец», свалившийся на мою голову, все так же мерно покачивалась на волнах. Я все еще не мог избавиться от чувства, что за мной следят, что все мои попытки уйти отсюда незамеченным и не оставить следов лишь вызывают ироническую усмешку у моих недоброжелателей, наблюдающих за мной в бинокль, подзорную трубу или просто сквозь черные очки. Из-за этого я все время нервно крутил головой, но ничего не видел, кроме серых скал, покрытых редкими кустами можжевельника, да истеричных чаек, которые с разноголосым криком все еще кружили надо мной.

Место расправы над женщиной я мог обойти стороной, но нарочно пошел мимо него, чтобы еще раз глянуть на ужасное пятно. «Странно все, – думал я, стоя в метре от залитого кровью камня. – Ее убили здесь, видимо, размозжили череп вот этим булыжником. Брызги крови разлетались во все стороны с большой силой – отдельные капли долетели даже до скальной стены, а это не меньше трех метров. В то же время костюм, в который была одета женщина, совершенно чист. Это я запомнил отчетливо. На пиджаке не было ни единого пятнышка. И еще: одежда ее абсолютно сухая. Не представляю, как можно было затащить труп

на яхту и при этом не намочить хотя бы рукава костюма или туфли. И вообще, женщина одета явно не для морской прогулки – туфли на высоком каблуке, деловой костюм. Может быть, ее убили не здесь, а на берегу, после чего занесли на яхту и привезли сюда?»

Я покачал головой, ставя под сомнение эту версию, и пошел дальше по тропе к тому месту, где я оставил ласты и мешок с крабами. Пленникам я подарил свободу, вытряхнув их в воду. Не ожидавшие такого хеппи-энда членистоногие сначала в изумлении тарасили на меня свои перископические глаза, а потом ломанулись на глубину, расталкивая и подминая друг друга под себя. Вместо крабов в мешок я положил кроссовки, опустил его в воду и, чтобы не всплывал, придавил камнем.

Шесть километров в ластах – не то чтобы пара пустяков, но задача не из самых трудных. Я спиной вошел в воду, надвинул на лицо маску, сунул в рот резиновый загубник трубки и лег на воду. Джинсы и майка немного стесняли движения, но выкинуть одежду я не мог – надо же было в чем-то появиться в городе.

* * *

Я плыл не меньше двух часов и, приближаясь к выступающему в море мысу Алчак, уже едва двигал ногами. От напряжения страшно болели шея и спина, а поясница, натертая мокрым поясом, пылала огнем. Последние метры я преодолел на спине, сдвинув маску на лоб. Когда я почувствовал под ногами камни и встал на них, меня начало шатать из стороны в сторону, будто я крепко накачался портвейном. Солнце уже зашло, и пляж опустел, лишь несколько парочек прохаживались по полосе прибоа.

Я настолько устал, что не нашел в себе сил даже выжать одежду, и пошел по теплому еще асфальту, оставляя за собой мокрые следы. Чтобы не светиться в таком виде на набережной, которую уже шлифовали толпы отдыхающих, я пошел через территорию санатория ВВС, а оттуда – по шоссе, ведущему в Уютное.

Когда я открыл калитку дачи и ввалился во двор, Анна сидела на ступеньке деревянной лестницы и курила. Увидев меня, она медленно спустилась, близко подошла, почти касаясь меня грудью.

– Привет, – сказала она, с каким-то странным выражением рассматривая мое лицо. – Чего это ты такой мокрый? И босиком... Теперь так на свидания ходят?

Ее грудь часто поднималась и опускалась, взгляд все еще блуждал по моему лицу. Кажется, Анна усилием воли сдерживает себя.

– У тебя есть водка? – спросил я, не задумываясь о причине ее столь странного поведения.

– Водка? – эхом отозвалась она. – А зачем тебе водка?

Я понял, что она не готова выслушать меня. Она пребывала во власти своих мыслей. Пока меня не было, она думала о чем-то пустом и глупом, не имеющем ничего общего с тем, что пришлось мне пережить, и я не мог воспринимать всерьез и этого напускного холода, который шел от нее, и ее неестественно сдержанного голоса.

Я снимал с себя мокрую одежду, стоя босыми ногами на кафельном полу душевой. Анна смотрела на меня из-за перегородки, приподнявшись на цыпочках. Меня все еще шатало, и, чтобы не растянуться на полу, я держался за резиновый шланг, свисающий с бочки.

Я поднял глаза. В ее взгляде уже что-то изменилось.

– Леша дважды заходил, – сказала Анна. – Он уже целый час ждет тебя на лодочной станции.

– Анна, скажи: кто еще, кроме Лешки и тебя, знает, что я был на Диком острове? – спросил я, садясь на край большой металлической раковины, предназначенной для стирки.

Брюки, снятые наполовину, спутались. У меня не было сил нагнуться, и я пытался освободиться от них без помощи рук, дергая ногами.

– На Диком острове? – медленно повторила Анна. – Разве не достаточно того, что я все знаю? – Она не думала над ответом. Она смотрела на меня. Под ее взглядом мои движения стали еще более нелепыми, и в конце концов я поскользнулся на обмылке и грохнулся на кафель, сильно ударившись о край раковины затылком.

Чертыхаясь и потирая ушибленный затылок, я с остервенением отбросил от себя брюки, поднялся на ноги, ожидая от Анны слов сочувствия, хотя ситуация, конечно, была не столь драматичной, сколь комичной, но Анны уже не было, и на том месте, где только что было ее лицо, быстро скользил по невидимой паутинке жирный паук.

Вода была теплой, и лилась она из шланга толстой тяжелой струей, но я все равно не мог согреться, и меня колотил озноб. У меня хватило терпения только на то, чтобы тщательно вычистить одежной щеткой ногти на руках. Завернувшись в махровый халат Анны, я вышел из душа и пошел на кухню. Странно, моя прекрасная леди, вопреки моему предположению, вовсе не крутилась у плиты, готовя мне ужин. Ее вообще не было на кухне. Я выглянул во дворик. Пусто. Вернулся на кухню и открыл дверь комнаты, где жила Анна.

Девушка лежала на койке лицом вниз и не шевелилась. Короткая теннисная юбка немного задралась, оголяя красивое смуглое бедро. «Как похоже она лежит! – подумал я. – Совсем как та женщина...» Недавний кошмар, который, казалось, стремительно и безвозвратно ушел в прошлое, вдруг снова нахлынул на меня. Я машинально схватил Анну за руку, едва не вскрикнул, почувствовав ее безвольную тяжесть, но Анна дернулась, освобождаясь от меня, подтянула колени к животу и прижала руки к груди, как делают во сне дети, если им холодно.

– Ну, ты лежишь... – облегченно выдохнул я, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце, – как мертвая... Анюта! – Я присел на край койки. – А что все-таки случилось? Я тебя не узнаю.

Она не ответила. Каюсь, иногда нечаянно обижал ее, я не всегда слежу за своим языком, но разве сейчас сделал что-то не так? Сказал Анне грубое слово?

Я погладил ее по голове. Она не отреагировала. Я чувствовал, как во мне неудержимо вскипает гнев. Вляпался в гнусную историю, едва держусь на ногах от усталости, продрог до самых костей, но вместо помощи и сочувствия – каприз и бойкот.

– У тебя есть водка? – повторил я.

Неожиданно Анна повернулась, села в постели, накрыла ноги одеялом.

– По-моему, тебе сегодня уже достаточно водки.

Это был детонатор. Я взорвался.

– Достаточно?! – вспыхнул я. – А кто ты такая, чтобы указывать мне меру? Ты что, из общества трезвости? Или, может быть, ты мне жена?

– Пошел вон! – спокойно ответила Анна. – Можешь возвращаться туда, где был. – Она снова легла ко мне спиной, опустила руку под койку, вытащила оттуда полиэтиленовый пакет, набитый чем-то мягким, и, не глядя, швырнула его в меня. Я не успел увернуться, и пакет шлепнул по лицу.

Ну, теперь ясно. Банальная ревность. Теперь всякое объяснение будет выглядеть как жалкое оправдание. А этого никак не вынесет мое достоинство. Будь даже мне Анна женой, не стал бы оправдываться и доказывать, что не верблюд. А так – тем более.

Я поддал пакет ногой так, что он вылетел на кухню, вышел из комнаты и с треском захлопнул за собой дверь. Водки в холодильнике не оказалось, зато под самой морозильной камерой лежали тугая пластиковая бутылка с красным портвейном и торт в квадратной коробке. Ах да! Анна собиралась отметить со мной свои именины – двадцать пять лет назад, девятнадцатого августа, ее крестили в сельской церкви Рязанской области и нарекли Анной.

Грешен – забыл об этом мероприятии. Но если бы даже помнил, то все равно приполз бы поздно вечером, босой и мокрый с головы до ног.

«Дала бы выпить, накормила, согрела, а потом бы спрашивала, что со мной случилось», – мысленно оправдывался я за свою резкость. В маленькую алюминиевую кастрюльку я вылил стакана три портвейна, добавил туда сухой гвоздики, лимонного сока, корицы и мускатного ореха, поставил вареву на огонь и стал помешивать ложкой. «Первым мириться не буду, – решил я. – Не мальчишка, чтобы терпеть ее капризы...»

Грог стал закипать, я снял его с огня, налил в стакан и стал отхлебывать маленькими глотками. В желудке сразу стало тепло. Я налил снова. Меня повело, и на лбу выступили крупные капли пота.

Вместе с теплом накатила сонливость. Из моего тела словно вытащили позвоночник, и теперь я полулежал на стуле, испытывая блаженство, и не очень успешно боролся со сном. «Женщин всегда следует держать от себя на дистанции, – думал я, из-под отяжелевших век глядя на полиэтиленовый пакет, лежащий на полу. – Чуть зазеваешься, чуть притупишь бдительность – и нежные пальчики уже крепко обхватывают твое горло. «А-а, поздно пришел! Да еще и шатаешься из стороны в сторону! Значит, где-то пил без меня! А я, дура, волнуюсь, места себе не нахожу, думаю, что утонул! Получай по роже!..» Нет, что ни говори о любви, а женщины – это зло... Чем это, интересно, она в меня бросила?»

Я с большим усилием оторвался от стула, потянулся за пакетом, приподнял его за нижний край и вытряхнул содержимое. На пол выпала белая женская накидка из тонкой, как бумага, кожи, с большой золоченой пуговицей на воротнике. Такого претенциозного наряда у Анны не было. Чья эта одежда, интересно?

Я сложил накидку в пакет, забросил его в стенной шкаф, где хранились крупы, и снова нацелился на кастрюлю, где еще оставалось немного грога. «Шиздануть последний стаканчик или не стоит?» – лениво раздумывал я.

Тяжесть, сдавившая мне сердце словно тисками, постепенно отпускала. Все, что случилось со мной на Диком острове, уже не казалось таким драматичным. Да, пришили какую-то даму. Я случайно оказался на борту яхты и увидел труп. Ситуация неприятная, но не более того. Никто меня ни на яхте, ни на острове не видел, следов за собой я не оставил. Мафиозные разборки на побережье едва ли не каждый день громяхают. Если по каждому покойнику нервы ломать – здоровья не напасешься.

Мне на плечо легла чья-то рука. Я вздрогнул, хотя портвейн притупил реакцию.

– Это ты? – спросил я.

– Я, – ответил Леша.

– Садись, наливай из кастрюли грог.

Леша беззвучно прошел вперед и сел напротив меня.

– Где ты был? – спросил он после минутного молчания.

Сразу видно – мужик. Ни истерических ноток в голосе, ни слез, ни соплей, ни нервов. Рыжая кудрявая копна волос в тусклом свете лампы горит как факел. Аккуратная борода волной сглаживает острые скулы. Тонкий нос, слегка подрумяненный солнцем. Спокойные голубые глаза. Сильно выделяющиеся надбровные дуги с очень светлыми, едва заметными бровями. Высокий лоб. С Леша можно рисовать иконы. Таких красивых мужиков я редко встречал в своей жизни.

– Я был на острове, Леша, – ответил я и вздохнул. – Сколько крабов ты вытащил сегодня?

На вопрос он не ответил. Леша не любил говорить попусту.

– Собственно, – произнес он, не сводя с меня глаз, – я так и сказал Анне: с тобой вряд ли могло случиться что-нибудь серьезное... Или я не прав?

– Ты не прав, потому что... потому что не пьешь, а грог остывает. Сделай милость, возьми из шкафа стакан и налей сам. Я еле руками двигаю.

– Ты выпал из лодки? – спросил Леша.

– Почему ты так решил?

– Если находят лодку без гребца...

– А кто нашел лодку? – перебил я его.

– Насколько мне известно, пограничники. По номеру определили, к какому причалу она приписана, и пригнали ее к берегу.

– Не знаешь, они обо мне что-нибудь спрашивали?

– Мне рассказали, что Моргун якобы ловко соврал: будто лодку сорвало с пирса и отнесло ветром в море.

– Значит, Моргун знает, что я плавал на остров?

– Не уверен. Он спрашивал меня, куда ты плавал на лодке сегодня, но я ответил неопределенно: за крабами.

Ответы Леша меня успокоили. Похоже на то, что, кроме него и Анны, никто не знал, что я был на острове.

– Так что с тобой стряслось? – спросил Леша.

«Железное терпение у человека», – подумал я. Если я откажусь отвечать, он не обидится и легко перейдет на другую тему. Леша тем и удобен, что мало интересуется моей личной жизнью. Он, к примеру, ни разу не спрашивал, кто для меня Анна, – это тот вопрос, на который мне труднее всего ответить; он не проявлял любопытства к делам моего сыскного агентства, в то время как всякая малознакомая пьянь в поселке замучила вопросами о пойманных мной преступниках; Лешу совершенно не волновала и моя прошлая жизнь. Мы встретились с ним в Голубой бухте под водой, едва не столкнувшись лбами, когда занимались подводной охотой: я ловил крабов, а Леша, вооруженный ружьем с гарпуном, – камбал. Мне достаточно было несколько минут понаблюдать за ним под водой, чтобы понять – это ныряльщик высокого класса. Леша без труда опускался на десятиметровую глубину, задерживая дыхание на три минуты и больше, прекрасно ориентировался под водой, без боязни подныривал под огромные валуны, втискивался в узкие расщелины, и, хотя добыча его не была адекватной риску, я завидовал его тренированности.

На берегу мы познакомились ближе. Леша приехал на побережье из Симферополя, чтобы отдохнуть, как он выразился, от городской пыли и стерильности операционных. Не думаю, что он, квалифицированный врач-анестезиолог, зарабатывал так уж мало; желание заняться промыслом возникло у него скорее от потребности в риске и азарте, чем от недостатка в деньгах. Когда он узнал, что я ловлю крабов для ресторана, то сразу же предложил мне свою помощь. От помощи я вежливо отказался, так как предпочитаю работать в одиночку. Тогда Леша облюбывал мыс Меганом, где стал пропадать с утра до вечера. Его подводное плавание, как ему казалось, приобрело смысл, и он увлекся охотой, как мальчишка. У нас появились общие интересы, мы сдружились, и Леша вечерами стал приходить ко мне на дачу. Обычно мы просиживали вдвоем за бутылкой массандровского портвейна до глубокой ночи, трепались на всевозможные темы и резались в бридж. Но чаще он пропадал в палаточном городке, расположенном в реликтовом лесу между Уютным и Новым Светом. На вопрос, чем его так привлекают «дикари», Леша лишь улыбался. Мне кажется, что на дикий пляж его влекли те же чувства, что и мартовского кота – на крышу.

Я доверял Леше в той же степени, что и приятному попутчику в поезде, с которым случайно встретился и через недолгое время расстанусь навсегда. То есть ему можно было доверить едва ли не самое сокровенное.

Глава 4

Леша отказывался от грога до тех пор, пока я не рассказал ему о том, что увидел на Диком острове. Он молча выслушал меня, после чего не торопясь осушил кастрюлю с напитком, вытер усы тыльной стороной ладони и снова сел на стул.

Из открытой двери повеяло сыростью. Шел тихий ночной дождь. Редкие капли разбивались о листья винограда и терялись в незрелых мелких гроздьях. Утром от этого дождя не останется следов – ни луж, ни ручьев, ни росы на траве. Леша смотрел в черный дверной проем, и мне казалось, что он думает именно об этом.

– К чему ты прикасался, когда был на яхте? – тихо спросил он, не поворачивая головы.

– К ручке двери, к ручке трюмного люка.

– Название яхты не запомнил?

– «Ассоль».

– Отпечатки хорошо стер?

– Старался.

– А ты уверен, что видел труп, а не куклу?

Я от возмущения так дернулся, что пролил на пол немного грога.

– Не принимай меня за идиота.

– Скверная история, – резюмировал Леша и, подумав, спросил: – Ты считаешь, что кто-то хотел кинуть на тебя тень?

– А ты разве считаешь, что нет?

– То, что твою лодку унесло в море, еще не говорит, что это сделано человеком и со злым умыслом.

Разговор с Лешей начал меня нервировать.

– По-твоему, – энергично жестикулируя, крикнул я, – лодка сама подползла к воде, сама плюхнулась в море и отчалила от острова?! И сделала она это вовсе не для того, чтобы заставить меня подняться на яхту, а из своих узколопочных интересов?

– Не кипятись, – попытался убавить мою энергию Леша. – Все проще. Лодку могло слизнуть волной.

– Не могло, – в тон ему ответил я. – Я оттащил ее метров на пять от воды.

– Кто же тогда это сделал? – вслух подумал Леша, теребя пальцами бородку. – И кто эта женщина?.. Послушай! А ты уверен, что ее убили? Это мог быть несчастный случай. Сорвалась со скалы или выбросило волной на камни.

– И после этого несчастную скидывают в трюм вместо того, чтобы положить на диван или на крайний случай на палубу? Нет логики.

– Нет, – согласился Леша. – Похоже, что ее действительно убили. И убийце, между прочим, как и тебе, не на чем было добраться до берега.

– Он мог остаться на острове, – мрачным голосом ответил я. – Мне все время казалось, что за мной следят.

– Не переживай, – сказал Леша, поднимаясь со стула. Он подошел ко мне, опустил руку на плечо. Я молча кивнул. Я был благодарен Леше за сочувствие и стремление помочь мне. Я был для него чужим человеком, он ничем не был обязан мне, он мог уже завтра утром уехать в свой Симферополь, отгородиться стерильными стенами операционной от моих проблем и забыть обо мне навеки – и был бы прав, и никто не смог бы упрекнуть его за это. – Не переживай, – повторил он. – Сегодня ночью яхту обязательно обнаружат пограничники, обыщут, найдут труп и передадут дело в прокуратуру. А там ребята разберутся, что к чему. Будем надеяться, что на острове никто тебя не видел, своих следов ты там не оставил. Мне кажется, что дело пустяковое, не стоящее твоих нервов.

– Странно, – ответил я, глядя на доньшко опустошенного стакана. – А мне как раз показалось, что дело серьезное и запутанное. Опыт у меня небольшой, и потому я могу положиться только на интуицию. А она меня еще ни разу не подводила.

– Интуиция тоже не может появиться с воздуха, – ответил Леша. – Если ты чувствуешь, что дело запутанное, значит, заметил то, что тебя насторожило.

– Ты прав, – согласился я и принялся снова готовить грог. Портвейн, корица, гвоздика... – Меня насторожило, например, что женщина была одета в совершенно сухой и чистый деловой костюм... Спички подай, пожалуйста!

Я заметил, что Леша насторожился, словно охотничий пес, почуявший дичь. Он нахмурился и принялся расхаживать по кухне – от плиты к двери комнаты Анны.

– Сухой и чистый, – как эхо повторил он. – Ну и что? А каким он должен быть? Что-то я не могу уловить твою мысль.

– Женщину валят на гальку, прижимают ее голову к камням и разбивают череп булыжником. Остается кровавое месиво диаметром почти в метр. Ты можешь отчетливо представить себе эту картинку? И как смотрится на фоне всего этого идеально чистый костюм?

Леша настолько вошел в образ, что даже покраснел от избытка впечатлений.

– И что ты этим хочешь сказать? – спросил он, не поднимая глаз, словно стыдился своей недогадливости.

– А то, что женщину убивали либо в другой одежде, либо вообще голой, а костюм надели уже на труп. Причем сделали это на яхте, потому как невозможно было перенести ее, не замочив одежду.

– Любопытный вывод. Очень любопытный, – проговорил Леша. – Только мне неясно одно: а для чего нужны были все эти манипуляции с одеждой?

– Мне это тоже неясно, – ответил я. – Можно предположить, что убийца снял выпачканную в крови одежду, чтобы случайно не оставить следов на дверях, полу или стенах каюты. Но тут же напрашивается второй вопрос: зачем тогда ему понадобилось одевать ее снова? Сбросить в трюм можно было и голый труп.

Леша шумно выдохнул и покачал головой.

– Двенадцатый час ночи, а мы с тобой говорим о таких жутких вещах.

– Тебе страшно?

Леша как-то странно взглянул на меня.

– Не старайся уличить меня в трусости. Не могу сказать, чтобы вся эта история доставляла мне удовольствие, но падать в обморок и закатывать истерики я не собираюсь... Кстати, твое пойло кипит и выливается через край.

Склонившись каждый над своим стаканом, мы пили маленькими глотками грог и некоторое время молчали.

– Вот что я предлагаю, – сказал Леша, отставляя стакан в сторону. – На несколько дней, пока здесь не утихнет шумиха, тебе лучше уехать с побережья.

Он вопросительно посмотрел на меня, но я продолжал заниматься стаканом и никак не отреагировал.

– Могу поселить тебя в своей квартире в Симферополе, – уточнил Леша.

– А еще лучше, – злоречиво добавил я, – забраться в глухой лес и пожить там годик-другой, когда дело окончательно закроют, а в поселке вообще забудут, что здесь когда-то жил Кирилл Вацура.

Леша недоуменно посмотрел на меня и пожал плечами.

– Я разве предложил тебе что-то плохое?

«Грубый ты человек, – подумал я про себя. – Обидеть друга – раз плюнуть».

Я взглянул на Лешу с теплой улыбкой. Он нормальный человек, типичный представитель современного общества, где законы соблюдают лишь самые бесправные, где правосу-

дие вершат сила и деньги, а верить в справедливость может только идиот. Чему я удивляюсь? Леша нормально отреагировал – как можно быстрее спрятаться, затаиться, а не искать защиты у власти, не добиваться правосудия. Я прекрасно его понял и все-таки спросил:

– Леша, а почему я должен прятаться, если никого не убивал?

Он посмотрел на меня как-то странно, словно вдруг сам удивился тому, что предложил мне.

– Видишь ли, – медленно, словно каждое слово давалось ему с трудом, произнес он. – Сейчас такие времена, такие люди. У преступников огромные возможности. И если тебя решили подставить, и продумали весь сценарий, и вложили в это дело деньги, и воспользовались связями, то так просто ты уже не выпутаешься. Ты попытаешься защититься, но только навесишь на себя новые улики.

– Если я сбегу, Леша, то это будет первой серьезной уликой, – ответил я.

– Возможно. Но ты сохранишь себе свободу и не вляпаешься в новую историю.

– Ты говоришь так, будто меня должны арестовать в самое ближайшее время. Но на основании чего? Отпечатков моих на яхте нет. Никто не видел меня на острове...

Неожиданно я поймал себя на мысли, что оправдываюсь перед Лешей, доказываю ему свою невиновность.

– Откуда ты сейчас можешь знать, какие еще улики против тебя сфабрикованы? – вкрадчиво спросил Леша. По-моему, грог крепко дал ему по мозгам, и мой рыжебородый анестезиолог стал агрессивным.

– Что значит – еще?

– Ладно! – махнул рукой Леша, уходя от ответа. – Отложим разговор до завтра. Умираю – хочу спать.

– Нет-нет! – Я взял его за локоть. – Договаривай до конца. Какие улики ты имел в виду?

– Кирилл, наш разговор теряет всякий смысл.

– И все-таки! – Я еще крепче сжал его локоть. – Раз сказал «а», то скажи и «б».

– Ты все равно меня не послушаешься.

– Но я приму к сведению твой совет.

– Ну, хорошо! – кивнул Леша. – Только отпусти мою руку. Мне больно, а наркоза с собой нет.

– Сначала ты скажи, какие улики имел в виду.

– По-моему, ты сильно пьян.

– Это тебе так кажется.

– Я имел в виду лодку.

Я разжал пальцы, тараща глаза на Лешу.

– А с чего ты взял, что лодка – это улика? Ведь Моргун, если я тебя правильно понял, объяснил пограничникам, что лодку сорвало с пирса.

– Объяснить он, конечно, объяснил, но не надо считать пограничников дураками. Когда далеко от берега находят лодку или, скажем, катер без людей – дело серьезное. Они, не афишируя, могли снять отпечатки пальцев с рукояток весел, найти под скамейками какие-нибудь вещественные доказательства... Ты не оставлял в лодке никаких вещей?

Я отрицательно покачал головой.

– Но мог случайно обронить пуговицу или расческу?

– Не мог, Леша! Не мог! – Я снова начал заводиться. – Все при мне. И пуговицы все на месте.

– Ты плыл в одежде?

– Да.

– И в обуви?

– Кроссовки я спрятал на острове.

Леша в сердцах ударил ладонью по краю стола.

– Ты же опытный человек! Директор сысского агентства! А допускаешь такие грубые ошибки. Это же серьезная улика!

– По-твоему, я должен был плыть в кроссовках, а не в ластах? – огрызнулся я, хотя понимал, что Леша прав.

– Балда! – добавил Леша. – Где ты их спрятал?

– Утопил в холщовом мешке и придавил камнем. Даже собаки не найдут.

– Ерунда! – скривился Леша. – Чуть разыграется шторм, он твой мешок вместе с камнем выкинет на остров, как окурок.

– Черт возьми! – взревел я, вскакивая со стула, и, путаясь в полах халата, стал ходить по кухне, как несколько минут назад это делал Леша. Нечаянно задел пустой стакан, стоящий на столе. От звона Леша скривился, как от боли. – Черт возьми, Леша, этот вечный маразм, когда нормальный человек должен ломать голову в поисках доказательств того, что он не верблюд! Да я завтра же снова поплыву на этот дурацкий остров, поставлю там палатку и буду жить целый месяц, оставляя свои отпечатки пальцев и дерьмо всюду, где только возможно! И пусть только хоть одна дрянь заикнется об уликах! Нет против меня улик и быть не может, потому что нет главного – мотива. Именно с мотива я начинал раскручивать каждое преступление, за которое брался, и очень быстро выходил на след преступника. Мотив определяет смысл каждого преступления, исключая только поступки душевнобольного человека! Чем сильнее мотив, чем он ярче выражен, тем с большей жестокостью уничтожает преступник свою жертву. Это аксиома криминалистики, азбучная истина! А та несчастная баба – кто она мне? Откуда я мог ее знать? Какой смысл выслеживать ее, гнаться за яхтой на весельной лодке и в конце концов убивать?

– Ты все правильно говоришь, – ответил Леша, выслушав меня. – Дай бог, чтобы так же думали и наши менты.

– Кстати, о ментах! – вспомнил я. – В нашем отделении работает мой приятель – Володя Кныш. Когда моя фирма процветала, он работал у меня, а как накрылась – снова ушел в отделение. Наверняка он будет в составе бригады, которой поручат это дело. Надо будет завтра рассказать ему, что со мной приключилось.

– Не торопись.

– Почему?

– Воспользуешься своими связями, когда тебе будет совсем плохо. А пока к ментам не ходи.

– Ладно, я подумаю об этом на свежую голову.

Мы вышли во двор. Дождь прекратился, на черном небе пятнами высypали звезды.

– А где Анна? – спросил Леша.

– Спит, наверное.

Он вскользь глянул на меня.

– Случайно не поссорились?

Вместо ответа я неопределенно пожал плечами.

– И по какому поводу, если не секрет?

– Из-за этого проклятого острова все не слава богу... Кажется, она меня приревновала. Я так устал, что меня качало как пьяного. А она подумала, что я где-то наклюкался с бабой. – Я усмехнулся и снова пожал плечами. – Никогда не поймешь, что у них на уме... Ладно, не бери в голову, это наши проблемы, разберемся.

– Только из-за того, что тебя шатало? А при чем тут баба? – удивился Леша.

– Да я откуда знаю, отчего ей эта чушь в голову взбрела! Швырнула мне в морду какой-то плащ, зарылась в подушки – и молчок!

– Что? – не понял Леша. – Чем она в тебя швырнула?

– Женским плащом или накидкой – хрен его разберет! Я не стал выяснять, что это все значит. У меня тоже нервы на пределе. И вообще я ей не муж и не обязан отчитываться, где и с кем бываю. Даже если нажрался, даже если с бабой – ей какое дело? Разве я клялся в верности и любви?..

Я заметил, что Леша не очень внимательно меня слушает. Он смотрел сквозь ограду в темные заросли палисадника.

– Что там? – спросил я, невольно вглядываясь в ту же сторону.

– Мне показалось... – неуверенным голосом произнес Леша. – Коты, что ли?

Он повернулся и протянул мне руку.

– Держи! До завтра!

– Собственно, ты можешь переночевать у меня, – предложил я, но Леша уже открыл калитку и помахал мне рукой.

Я остался один. Хмель быстро таял в голове, и я снова стал мерзнуть. Зевнул, поежился и еще раз посмотрел в палисадник. Что там увидел Леша? Что его так напугало?

Я подошел к забору, оттянул в сторону ветку вишни. На меня посыпались дождевые капли. Несколько минут, стараясь дышать тихо, я всматривался в темноту.

– Эй! – негромко позвал я, потом сплюнул, вернулся в домик и запер дверь на замок, чего не делал уже, по-моему, несколько лет.

Ощущение смутной тревоги не покидало меня. Я снова прицелился на ополовиненную бутылку, но неожиданно посчитал алкоголь слабым утешением, заткнул ее пробкой и поставил в стенной шкаф. Взгляд мой упал на пухлый полиэтиленовый пакет. Я вытащил из пакета накидку, развернул ее во всю ширину, осмотрел, зачем-то встряхнул, будто она была пропыленной, и сразу уловил тонкий запах дорогих духов. Я не любитель шарить по чужим карманам, но надо было найти хозяйку накидки или на худший случай выяснить, как эта вещь попала на мою дачу. В левом кармане не было ничего, кроме маленького засохшего полевого цветка, а в правом я нашел сложенный в несколько раз лист бумаги.

Я развернул его, посмотрел на текст, написанный крупными неровными буквами, и с изумлением узнал свой почерк.

«Эльвира!

Что касается нашей с тобой договоренности, то можешь полностью положиться на меня, и пусть гарантом моего слова станут мои чувства, которые я испытываю к тебе. Твое решение о прекращении выплат по вкладам, конечно, несколько ошеломило меня, но, смею надеяться, это ни в какой мере не будет касаться меня. Требовать не в силах – ты для меня не тот человек, от которого я могу что-либо требовать, но лишь надеюсь на то, что мои чувства обретут взаимность и ты будешь благосклонна ко мне. Но не денег ради я стараюсь. Все мысли – только о тебе. Ты заслуживаешь большего, и это большее мне по силам дарить тебе. Считай так: ты не возвращаешь мне деньги, а лишь оказываешь мне, твоему доверенному лицу и самому надежному другу, помощь в приобретении нашего с тобой общего счастья.

Слышал, что девятнадцатого ты отправляешься на морскую прогулку по своему излюбленному маршруту. Я найду тебя там, где ты меньше всего ожидаешь меня увидеть, но, надеюсь, встреча со мной будет тебе приятна.

Твой покорный слуга Кирилл. 17.08.95 г.»

Под письмом красным косметическим карандашом хорошо знакомым мне почерком Анны было приписано: «ПОДОНОК!!!»

Глава 5

Анна не открывала глаза до тех пор, пока я не брызнул ей в лицо воду. Сначала она посмотрела на меня совершенно безумным взглядом, потом вяло оттолкнула от себя.

– Уйди, – тихо попросила она и снова опустилась на подушку.

– Анна! – позвал я и снова приподнял ее голову, чтобы она могла рассмотреть письмо. – Что это?

– Тебе лучше знать.

– Где ты взяла эту накидку?

– Послушай, Кирилл, – устало произнесла Анна. – Не надо разыгрывать передо мной комедию.

– Где ты взяла накидку? – повторил я.

– Ее принесли с лодочной станции.

– Почему сюда? Чья она?

– О-о-о! – завывала Анна, закатывая глаза. – Имей же ты мужество красиво уйти! Ты все правильно говорил: я тебе не жена. И нечего передо мной оправдываться.

– Да пойми же ты, глупая девчонка! – крикнул я и тряхнул ее за плечи с такой силой, что ее золотистые волосы взметнулись и закрыли лицо. – Я не имею ни малейшего понятия, чья эта накидка, почему она здесь и что это за письмо. Я не писал ничего подобного. Это сфабриковано против меня!

– Ты можешь придумать что-нибудь более правдоподобное? – спросила она, не открывая глаз.

Мне показалось, что я уже близок к тому, чтобы ударить Анну.

– Чья накидка? – сквозь зубы и с угрозой в голосе повторил я.

– Ее нашли в твоей лодке пограничники и под расписку отдали Моргуну, – с кривой ухмылкой ответила Анна, и я увидел, как ее глаза стремительно наполняются слезами.

Я скрипнул зубами в бессильной ярости. Анна опустилась на подушку, закрыла глаза, и по щекам заскользили прозрачные капли. Я понял, что сейчас бесполезно убеждать ее в чем-либо. Сейчас она была совсем в ином мире, мыслила другими категориями и не была способна поверить мне. Надо дожидаться, когда она успокоится, когда выплечет все слезы, когда боль от мнимой измены притупится, и тогда спокойно обо всем рассказать.

Я выключил свет в комнате и снова вышел во двор. «Черт возьми, – думал я, – вокруг меня снова плетут сети. Только по счастливой случайности эта накидка с письмом не попала в милицию». Эльвира... Боюсь, завтра выяснится, что это имя убитой. Эльвира... Я прислушивался к звучанию имени, но не смог его вспомнить. Читал ли письмо Дима Моргун, начальник лодочной станции? Он мой приятель, раньше много помогал мне в частном сыске, хотя напрямую связан с местными уголовными авторитетами, не скрывает этого и гордится этим. Человек делает в сезон большие деньги – катает отдыхающих на «банане», дает напрокат водные мотоциклы, акваланги, лодки, катамараны, парусные серфинги, а заодно содержит на своей территории два открытых кафе, где всегда отличный выбор спиртного и закусок да готовы к любви пяток проституток. Дима, естественно, делится прибылью с авторитетами и милицией, обеспечивая себе надежную «крышу». В итоге все вокруг довольны: милиция – оттого, что на лодочной станции всегда порядок, чистота, никто не хулиганит, не ворует, не совершает никаких противоправных действий; авторитеты – оттого, что их не трогает милиция и исправно поступает прибыль; отдыхающие – оттого, что большой выбор услуг, устойчивые цены и полная безопасность.

Дима всегда охотно делился со мной информацией о наездах на станцию, которые хоть и редко, но все же были, о «гастролерах», заезжих рэкетирах и ворах, пытавшихся снять

деньги на чужой территории. Он помогал мне, а я – ему, улаживая конфликты с пограничниками, которые время от времени арестовывали плавсредства и приостанавливали прокат. На верность Димы, естественно в определенных пределах, я мог рассчитывать. Если письмо прочел только он, то можно было облегченно вздохнуть, немедленно сжечь его и навсегда забыть о нем. Пусть даже в ближайшие дни всплывет имя Эльвиры – Дима будет молчать. Но пограничники, если они читали письмо, обязательно сообщат о нем и плаще в уголовный розыск. В этом случае письмо лучше сохранить, чтобы потом экспертиза могла провести идентификацию моего почерка и поддельного, которым написано послание.

Я еще раз прочитал письмо. Мой почерк скопирован неплохо, но кое-где автора заносило и буквы «р» и «к» в разных местах были выписаны неодинаково. И вообще подделка грубая, непрофессиональная. На месте автора я бы сочинил короткую записку из нескольких слов: «Встречаемся на Диком острове девятнадцатого». И точка. Здесь же автором овладела бурная фантазия. Он зачем-то приплел сюда любовь и денежные вклады. Никаких вкладов, счетов в банках и тому подобного у меня не было, нет и вряд ли когда будет. Это легко проверить, что тем самым подтвердит мое алиби.

Я немного воспрянул духом и подумал о том, что это письмо вместе с плащом, вопреки планам злоумышленников, станет не уликой, а моим алиби. Я завтра же покажу письмо Кньшу. С поддельными документами, печатями и подписями он часто имел дело и наверняка легко распознает в этом письме фальшивку. Таким образом я предупрежу возможный удар со стороны пограничников – их сигнал, если он поступит в угро, окажется запоздавшим и пройдет мимо цели.

Мягким чешским ластиком я стер слово, дописанное Анной в конце письма, полагая, что такая формулировка не совсем справедлива и к тому же не будет иметь принципиального значения для следствия.

Глава 6

Достаточно мне было услышать первую фразу, сказанную Кнышем по телефону, как я понял: труп женщины нашли, вся милиция района поднята на ноги.

– Старичок, сейчас не до тебя, – прогундосил Кныш в трубку. – У нас тут переполох. Позвони вечером. Или лучше дня через три.

– Всего одно слово, Володя! Я знаю, о чем ты говоришь, и могу быть вам полезен.

– Ты хочешь взяться за это дело, даже не зная, что случилось?

– Мне уже многое известно. Есть вещдоки.

– Хорошо. Мы сейчас выезжаем к центральному причалу. Подходи туда, там поговорим.

Анна демонстративно не разговаривала со мной и на мое выдавненное сквозь зубы «добрутро» никак не отреагировала. Выглядела она неважно: глаза подпухли, на щеках – невралгические пятнышки. Мое сердце сдавила жалость к девушке. Я, конечно, должен был подойти к ней, обнять, успокоить, дать возможность Анне выплакать последние слезы на моей груди, но мне мешала дурацкая гордость и осознание собственной правоты. А может быть, я боялся снова приблизить ее к себе? Разрыв произошел, самое болезненное позади, и все теперь станет на свои места. Она уедет, со временем забудет меня, полюбит более достойного гражданина, чем я, и станет счастливой. «Пусть будет так», – подумал я, спокойно глядя на то, как Анна собирает свои вещи и складывает их в большую спортивную сумку.

– Ты мне ничего не хочешь сказать на прощание? – спросила она, когда собралась и закинула сумку на плечо.

– На прощание? – переспросил я и как дурак наморщил лоб, словно усиленно думал, что бы сказать ей. – А ты разве уходишь?

– Ухожу.

– Собственно, я тебя не прогоняю.

– Не хватало, чтобы ты посмел выгнать меня.

– Куда же ты в таком случае намылилась?

Анна смотрела на меня, покусывая губы.

– Кирилл, – сказала она, но осеклась, передумав продолжать, круто повернулась, вышла через калитку и с грохотом захлопнула за собой металлическую дверь.

– Скатертью дорожка, – негромко произнес я, без особого сожаления глядя вслед девушке. «А вообще-то я сволочь еще та, – мысленно добавил я. – И правильно Анна сделала, что ушла. С такими говнюками, как я, вообще никаких дел иметь не стоит. Их надо всячески избегать, как сумасшедших сифилитиков».

Этого короткого сеанса самоуничуждения оказалось достаточно, чтобы привести в рабочее состояние свою совесть. Через несколько минут мне позвонил Леша, и я, разговаривая с ним, быстро забыл о всех обидах, которые вольно или невольно нанес Анне.

– Зря ты все-таки это сделал, – сказал Леша, когда я сообщил ему о разговоре с Кнышем. – Возьмут они тебя на крючок – не сорвешься.

Мы условились встретиться с ним там же, у причала. Я бежал по шоссе вдоль крепостной стены, испытывая удивительное чувство легкости и силы, какое бывает, когда избавляешься от проблем, созданных самим собой. Я ценю мужиков, настоящую мужскую дружбу. В ней нет сентиментальных эмоций, чувств, слез, условностей и абстракций, называемых любовью. Зато есть поступки, которые эту дружбу и определяют. Анну я долгое время считал своим другом. Мы многое пережили с ней, последние два года нас объединяли одна судьба, одни испытания, одни цели и, естественно, общая постель. И все было бы хорошо, если бы

эту дружбу не стали портить совершенно противоречивые, разнополярные цели. Анна, оказывается, хотела выйти за меня замуж. Я же в отличие от нее жениться вообще не планировал в ближайшее десятилетие, чего никогда от нее не скрывал. Тут-то и нашла коса на камень.

«Расстались так расстались, – думал я, сбегая по ступеням с Рыбачьей на Приморскую. – На все воля Господня».

Приморская улица, сколько я себя помню, всегда была руслом, щедро заполненным по утрам потоком отдыхающих, устремляющихся к морю. Спускаешься по ней вниз в разгар сезона – и не видишь моря. Лишь бронзовые спины, белые панамы, надувные матрацы, круги, подстилки да клубы пыли из-под частокола ног. И лишь только когда людской поток выносит на пяточок перед причалом, восторженно восклицаешь: «Ба-а! Да тут еще и море есть!» Теперь Приморская, как Рыбачья, Морская и другие райские улочки, почти безлюдна – будь то утро, день или вечер. На калитках сиротливо висят таблички с рисованными дельфинами, пляжными зонтиками и надписями: «Сдается комната». Предложение есть, спроса нет. Обнищал народ. Море стало не по карману.

Я вышел к причалу. Вопреки моему ожиданию, на пяточке толпилось уже достаточно народу. Там были и малочисленные отдыхающие, и местные зеваки. Посреди причала стояли машины «Скорой» и милиции. Несколько мужчин в форме усталыми голосами, усиленными мегафонами, просили людей разойтись. Женщина средних лет с выкрашенными фиолетовыми чернилами волосами ходила восьмерками среди толпы, отчаянно размахивала руками и о чем-то безостановочно вещала пронзительным голосом. Я разобрал лишь одну фразу, которую она повторяла, как лозунг на митинге: «Не дадим себя ограбить! Не дадим!» Небольшая группа старушек обступила синюю будку, в которой когда-то сидела билетерша экскурсионного бюро. Старушки тыкали пальцами в какие-то списки, наклеенные на стенку, и, перебивая друг друга, неистово спорили.

Толпа росла с каждой минутой. Я встречал знакомые лица: диспетчера автовокзала, продавщицу центрального гастронома, несколько женщин из поликлиники. Дима Моргун, держа под руку начальника райотдела УВД, прохаживался по причалу и что-то говорил ему. Смешавшись с толпой, я искал Лешу и прислушивался к разговорам. Несколько раз я услышал фамилию «Милосердова». Женщина с фиолетовыми волосами, не обращаясь конкретно ни к кому, громко говорила:

– Ну и что?! Мы тоже скорбим! Но дружба – дружбой, а табачок – врозь! Не надо усугублять нашу скорбь! Надо все по-честному решать. Неужели никто, кроме Милосердовой, не знает, где деньги? Это обман, товарищи! Надувательство чистой воды! Мы скорбим, но мы требуем вернуть свои деньги!

Она ходила от одного к другому и достаточно быстро заводила толпу. Кто-то уже поднял над головой лист ватмана с кривой надписью: «МИЛОСЕРДИЕ!» НЕ ГНЕВИ ДУШУ УБИЕННОЙ! ВЕРНИ БАБКИ!»

Я протиснулся к группе милиционеров и увидел Кныша. Тот был хмур, неприветлив и все время держал у щеки радиостанцию, словно компресс на флюсе. Рация шипела, трещала, что-то спрашивала сухим надтреснутым голосом, и Кныш односложно отвечал. Он увидел меня, сдвинул фуражку на затылок и пожал плечами, словно я что-то спросил у него.

– Ты видишь, что делается? – сказал он, кивая на толпу. – Попалась одна провокаторша, и народ уже не успокоишь.

– Кто такая Милосердова, Володя?

– Ну вот, – разочарованно ответил Кныш. – Хочешь взяться за дело, а не знаешь самого главного. Это генеральный директор акционерного общества «Милосердие»... Секунду!.. Слушаю, «седьмой»! – переключился он на радиостанцию. – Да, они уже плывут сюда. Народу больно много, мы сами не справимся. Возможны беспорядки. Еще хотя бы человек пять...

«Акционерное общество «Милосердие», – мысленно повторил я и вспомнил огромные рекламные щиты с крупной фотографией симпатичной бабушки в цветастом платочке, пьющей чай на веранде с видом на море. Самое популярное на побережье АО, обещавшее что-то около трехсот процентов годовых по частным вкладам. Наши местные пенсионеры из-за своей нищеты, кажется, совсем с ума посходили – все повально стали акционерами «Милосердия». Я помню, как поселок регулярно обрастал легендами про каких-то счастливцев, которые всего за год баснословно разбогатели на акциях.

К причалу быстро приближалась злополучная яхта, окруженная эскортом милицейских быстроходных катеров. Метров за сто она снизила ход и дала пронзительный сигнал. Народ затих, все повернулись в сторону моря. На причал пробивалась еще одна машина «Скорой помощи», часто и нервно сигналила, заставляя людей расступиться.

– Извини, потом! – бросил мне Кныш и быстро пошел по причалу.

Яхта медленно приблизилась, коснулась амортизационных шин, и причал дрогнул, скрипнул ржавыми опорами. Швартовы принял какой-то штатский в голубой рубашке и галстук. Стало тихо. Из обеих машин «Скорой помощи» вышли люди в белом, двое из них, схватив носилки, побежали к яхте. На судно их не пустил милиционер, принял носилки и передал кому-то в рубку.

Сначала с кормы на причал спрыгнул штатский в темных очках и с короткой, под «ежик», прической. За ним – два милиционера. Они шли к машинам неторопливой, расслабленной походкой, не оглядываясь, не проявляя интереса к процессу выноса тела, как будто им все уже было ясно и преступник был практически уже в их руках.

Через минуту на кормовой палубе показались два милиционера с носилками. Белая простыня закрывала то, что осталось от головы, и большую часть туловища покойницы, неприкрытыми оставались лишь ноги в туфлях. Их носки раскачивались из стороны в сторону, будто убитая дразнилась и хвастала своей дорогой обувью.

Люди замерли. Какая-то бабка слева от меня стала неудержимо креститься и нашептывать молитву. Милиционеры подошли к краю борта и стали прицеливаться на причал. Яхта равномерно поднималась и опускалась на слабых волнах. Милиционеры топтались по палубе, не решаясь прыгнуть одновременно. Наконец первый шагнул на причал и едва не выронил носилки. Ему пришлось повернуться к яхте, а носилки приподнять до уровня лица. Второй сошел с борта удачей.

Меня кто-то тронул за руку. Я обернулся и увидел Лешу. Он часто дышал – наверное, ему пришлось пробежаться.

– Кто? – одними губами спросил он меня.

– Милосердова, – ответил я.

Леша вопросительно посмотрел на меня. Он, как и я, впервые слышал эту фамилию. Я посчитал, что здесь и в такой момент объяснять Леше, кто такая Милосердова, будет неэтично, и приложил палец к губам. Он кивнул и уставился на причал.

Покойницу поднесли к машине «Скорой помощи» и загнали носилки внутрь. Милицейский «уазик» завелся и дал задний ход, раскидывая вспышки света из установленной на крыше «мигалки». Люди снова расступились – на этот раз без команды и криков милиционеров, пропуская машины. Старая женщина, которая крестилась рядом со мной, вдруг прижала руки к груди и дурным голосом завывала:

– Кормилица ты наша-а-а! Матушка-голубушка-а-а! Как же мы теперь без тебя-я-я!..

Комок встал в моем горле. Я искоса взглянул на Лешу. Он побледнел, а пальцы, которыми он нервно теребил усы, мелко дрожали.

Не успели все три машины скрыться за поворотом, как из притихшей толпы снова раздался вопль фиолетовой провокаторши:

– Кто теперь вернет наши денежки? Загубили женщину, а мы ей так верили! С кого теперь спрашивать? Где кассиры и бухгалтеры? Сюда их! На народный суд!!

Мы с Лешей поспешили отойти в сторону.

– Ну что, частный детектив, берешься за это дело? – спросил Леша, жадно затягиваясь сигаретой.

– Сам бог велел, – ответил я. – Меня пытались здорово подставить, но, к счастью, у моих недоброжелателей произошла осечка.

– О чем ты? – не понял Леша.

Я рассказал ему о письме, найденном в кармане накидки. Леша никак не отреагировал на это сообщение. Мне показалось, что он был больше озабочен собственными мыслями. У меня вдруг мелькнуло подозрение, что Леша испугался нашей с ним дружбы. Быть рядом с человеком, на котором лежит тень подозрения в убийстве, – малоприятно. Могут затаскать на допросы в качестве свидетеля.

Я человек от природы несдержанный и обычно говорю то, что думаю.

– Вот что, – сказал я таким тоном, словно все уже было давно решено. – Тебе больше не стоит так часто общаться со мной. Мне не хочется, чтобы тебя в чем-либо заподозрили: в содействии, в соучастии. Не дай бог!

– Что-что? – произнес Леша, и по его губам скользнула снисходительная усмешка. – Не стоит с тобой общаться?.. Да-а, низкого же ты обо мне мнения.

Я прикусил язык. Леша нахмурился. «Ну вот, обидел человека», – подумал я, прикидывая, как теперь исправить положение.

Минуту мы молчали. К нам шел Кныш, все еще прижимая рацию к щеке. Я знал, что Володя не станет разговаривать в присутствии незнакомого ему Леша, и пошел ему навстречу.

– До самого основания разможен череп, – сказал Кныш, отводя меня в сторону открытого кафе. – Ориентировочно: вчера в полдень на Диком острове.

– А кто опознал тело?

– Ее брат. Он уже вчера вечером заявил, что сестра отправилась на остров и не вернулась. Крутился здесь только что, в черном костюме. На острове, говорят, в обморок упал, когда увидел, что от сестры осталось.

– Кто он такой?

– Москвич, кандидат наук, в недавнее время преподавал в МГУ философию, а сейчас занимается политикой, возглавляет партию радикальных мер.

– Вот как? У Милосердовой, оказывается, влиятельный родственник.

Кныш усмехнулся.

– Без влиятельных родственников она бы не открыла акционерного общества.

– Следы какие-нибудь нашли? – как бы между прочим спросил я.

– Да, на яхте следов много.

– Какие же, интересно? – Я почувствовал, как внутри меня все похолодело.

– Отпечатки пальцев. И все они идентичны отпечаткам пальцев трупа.

– И больше никаких?

Кныш отрицательно покачал головой.

– Штурвал, рычаг скоростей чисты, словно к ним вообще никто не прикасался. Наверняка убийца работал в перчатках... Что интересно – убивали ее на острове, а потом труп спрятали в трюме.

Мы дошли до столика под зонтом.

– Выпьешь чего-нибудь? – спросил я.

– Не могу. Я же на государственной службе, а не в твоей фирме.

– Не жалеешь, что ушел?

Кныш усмехнулся.

– Так ты же не платил три месяца подряд! А детишки, между прочим, кушать хотят каждый день... Ну, ответь честно: ты в самом деле хочешь взяться за это дело? И есть заказчик?

– Заказчика нет. Причина в другом. Но об этом позже. Скажи, Володя, кто управлял яхтой? Не одна же Милосердова поплыла на остров?

Кныш крикнул с досады и почесал затылок.

– С капитаном вообще запутанное дело. Моргун утверждает, что Караев снялся вчера с якоря около одиннадцати часов утра и взял курс на Ай-Фока. А спустя часа три Дима видел капитана на берегу в пивбаре. Когда спросил у него, где «Ассоль», тот ответил то ли в шутку, то ли всерьез: «Сдал в прокат».

– Допросили Караева?

– В том-то и дело, что Караев исчез. Дома его нет, соседи говорят, что сегодня не ночевал.

– Ты его подозреваешь?

– Пока для этого нет веских оснований. Версия, что убийство совершено с целью ограбления, отпадает. На пальцах убитой остались нетронутыми кольца из золота и серебра.

– А с братом Милосердовой говорили?

– Братишка покойницы – очень немногословный тип. Сказал лишь, что никого не подозревает, что явных врагов у сестры не было, а потом добавил, что, дескать, бизнес – это всегда риск и не стоит предавать это дело громкой огласке.

Я собрался с мыслями, посмотрел Кнышу в глаза и спросил:

– Ты мне доверяешь, Володя?

Кныш терпеть не мог подобные вопросы. Все правильно, профессиональный мент не должен никому доверять. И все же мне нужен был мостик, чтобы перейти к главному.

– Короче, Кирилл! Если есть что сказать – выкладывай!

– На меня наехали.

Кныш вытаращил глаза.

– Наезжать на директора сыскного агентства – себе в убыток. Кто? Когда? «Гастролеры»?

– Нет, не «гастролеры». На меня пытались повесить убийство этой Милосердовой.

Кныш приоткрыл рот от удивления. Минуту он не сводил глаз с моего лица, словно пытался понять, не шучу ли я.

– Ну-ка, ну-ка, – сказал он. – Давай-ка все подряд и подробненько.

Я рассказал ему все, что случилось со мной вчера, начиная с ловли крабов у берегов острова и заканчивая белой накидкой и письмом, выполненным моим почерком.

– М-да-а, – протянул Кныш, барабанив пальцами по столу и уже не глядя на меня. Он физически не был способен поднять глаза. Была у него такая дурная привычка, которая выдавала его недоверие с головой. – Где письмо?

– Вот! – Я вынул письмо, развернул его и положил перед Кнышем. – Обрати внимание вот на эти буквы, – торопливо сказал я, тыча пальцем в текст. – Затем на то, что касается моего вклада в «Милосердие»...

– Ладно, – перебил он меня, аккуратно складывая письмо и пряча его в сумку. – Сами разберемся. Накидка где?

– Я спрятал ее дома.

– Принесешь мне. Лично! И пока никому об этом.

– Естественно! – кивнул я и подумал о том, что Кныш врезал бы мне по балде, узнав о моей откровенности с Лешей.

– Ну ты даешь! – покачал головой Кныш. – Это же очень серьезно. Благодарю бога, что все это попало мне, а не напрямую в следственный отдел. Но рано радоваться. Вот накатают пограничники «телегу» в прокуратуру, будешь тогда отдуваться, Шерлок Холмс.

– Я надеюсь, что они не читали письмо.

– Индюк тоже надеялся... Ну, пока! Сиди дома и не вздумай исчезнуть, как Караев.

– Ну что ты!

Кныш даже не пожал мне руку, встал и быстро пошел к причалу, где еще митинговали несчастные вкладчики.

Я посмотрел в ту сторону, где я оставил Лешу. Он меня не дождался и ушел.

Глава 7

В темно-зеленом гидрокостюме Дима Моргун напоминал какого-то фантастического монстра – полурыбу-получеловека и своим видом заставлял трепетать отдыхающих, решивших прокатиться на надувном «банане». Он привязывал его веревочным тросом к водному мотоциклу, буксировал подальше в открытое море, а затем врубал форсаж. «Банан» несся за мотоциклом по волнам со скоростью восемьдесят километров в час, и люди, сидящие на нем верхом, визжали от восторга и страха до тех пор, пока «банан» не без помощи Димы не переворачивался и пассажиры как горох с лету врезались в волны. Такой пируэт был совершенно безопасен, так как на каждом пассажире был спасательный жилет, зато здорово щекотал нервы, что обеспечивало постоянный приток клиентов. Один трехминутный заезд приносил прибыли не меньше пятнадцати долларов. За день Дима только на «банане» зарабатывал около семисот баксов.

Он встретил меня, как всегда, широкой улыбкой, от которой черные аккуратные усики начинали топорщиться и в физиономии Димы появлялось что-то кошачье. Редкой способностью отличался Моргун: пообщаешься с ним – и на душе теплеет, хотя никаких видимых причин на то не было.

– Прокатиться не желаешь? – промурлыкал Дима, поскрипывая своей резиновой кожей. В гидрокостюме, наверное, было очень неприятно ходить по пляжу – тело прет, задыхается, под мышками и в паху натирает. Но что поделаешь – это униформа, обязательный атрибут хозяина проката, отличающий его от рядового отдыхающего. По вечерам, когда пограничники запрещали выход в море плавсредствам и прокат закрывался, Дима надевал черные брюки, белую рубашку с короткими рукавами, на плечах которой сверкали погоны с золотистыми угловыми лычками, фуражку, украшенную совершенно невероятной по величине и пестроте кокардой, и с гордым видом фланировал по своей территории.

– Спасибо, – ответил я. – Я как-то с тобой уже катался. До сих пор морской водой сморкаюсь.

Улыбка Димы стала еще шире, глазки сузились. «Хитрый кот, – подумал я, – никогда не поймешь, что у него на уме». Я попытался рассмотреть, что таится в его глазках-щелочках, читал ли он письмо-подделку, но это было совершенно бесполезное занятие. В этом отношении Дима строго соблюдал этику: никогда ни о чем не спрашивал, если не был уверен, что собеседник этого хочет.

– Ты ко мне по делу или просто так? – спросил он небрежным тоном, хотя прекрасно знал, для чего я к нему пришел.

– Пообщаться надо, – ответил я.

– Понял, – кивнул Дима и свистнул своему помощнику – худому как скелет и черному от перманентно наслаивающегося загара парню: – Эй, Сережа! Покатай народ, я занят.

Мы поднялись на верхнюю палубу пирса, по которой тянулись два ржавых рельса, используемых для передвижения погрузочной тележки. Здесь нас никто не мог подслушать. Это было излюбленное место переговоров Димы, когда к нему приходили авторитеты или менты.

– Что интересует доблестного защитника прав обездоленных и сильных мира сего? – спросил он мягким голосом.

– Мне нужен Караев, – ответил я.

Не меня выражения лица, Дима пожал плечами.

– Пропал мареман. Он сейчас многим нужен.

– Ты был последним, кто его видел вчера.

– Не думаю.

- Ты ведь сказал неправду, что видел его около двух часов в пивбаре?
- Естественно. Деду нужно алиби.
- Он ничего не говорил тебе о пассажирах, за которыми он пошел на Ай-Фока?
- Кирюша, – с той же улыбочкой ответил Дима, – я же не спрашиваю тебя, откуда в твоей лодке оказались вещи убитой Милосердовой.
- Вот это удар! Дима даже не изменился в лице, словно сказал мне комплимент. Жуткая манера. У меня сразу пропала охота продолжать разговор.
- Еще вопросы? – любезно поинтересовался Дима.
- Я дал психа:
- Ну что ты сияешь? Прочертил границу – и счастлив? Меня топят, понимаешь?
- А ты хочешь притопить с собой еще кого-нибудь?
- Да ничего я не хочу, – огрызнулся я. – Мне бы только отмазаться от этой Милосердовой.
- Так делай это аккуратно, чтобы не замазать других, – посоветовал Дима. – Может, по коньячку?
- Какой, к черту, коньячок! Ткни пальцем на пляже – с любым коньячок выпить смогу. Мне помощь от тебя нужна.
- Обижаешь, – ответил Дима. – Я тебе помог: сказал пограницам, что лодку сорвало с причала, накидочку эту беленькую с письмом от лишних глаз спрятал и с надежным человеком передал тебе. Было?
- Было.
- Чего ж ты тогда наезжаешь?
- Милиция Караева найти не может. И мне он позарез нужен.
- Естественно, что не может. Зачем деду на старости лет в СИЗО садиться? Он же понимает, что в убийстве первым делом заподозрят его.
- Тогда, может быть, ты скажешь, кто хозяин «Ассоли»?
- Нет, не скажу, – покачал головой Дима. – Не уполномочен.
- Я и сам это могу узнать, только времени жалко.
- Вольному воля.
- Скажи хоть, где он живет?
- Где еще могут жить хозяева таких роскошных яхт? – усмехнулся Дима. – В Москве, естественно.
- В таком случае это вообще задачка для первоклассника.
- Ну-ну, – многозначительно произнес Дима. – Давай, первоклассник, копай. Только не задень высоковольтный кабель.
- Постараюсь.
- Мы откланялись друг другу.

* * *

Задача для первоклассника отняла у меня остаток дня, вечер и полночи. Связываться по телефону с офицером службы безопасности – все равно что с какой-нибудь затерявшейся в Гималаях первобытной деревушкой, то есть теоретически это просто, а на практике убеждаешься в обратном. Рабочий телефон Валеры Нефедова не отвечал несколько часов подряд, и тогда я позвонил ему домой, хотя Валера предупреждал, что делать это следует лишь в крайних случаях, которые не терпят отлагательства. Я решил, что такой случай уже наступил, и пару минут мило беседовал с его женой, представившись Валеркиным сослуживцем по Афгану.

– Валера, к сожалению, в Чечне, – сказала его жена. – Но вы можете позвонить после двенадцати, он должен прилететь.

Пришлось мне маяться в ожидании до глубокой ночи. Зато разговор с Валерой был коротким и плодотворным.

– Давай выкладывай, без подробностей и самую суть, – сказал он мне тихим и усталым голосом.

Я настроился на обстоятельный разговор, и такое категоричное пожелание Нефедова несколько обескуражило меня.

– Видишь ли, – сказал я, думая, как бы в двух словах объяснить ему суть дела. – К фео-досийскому порту приписана частная моторная яхта «Ассоль». Хозяин ее живет в Москве...

– Я понял, – прервал меня Валера. – Тебя интересует его личность.

– В общем, да.

– Позвони завтра в обед мне на работу. То есть уже сегодня.

Нефедов меня обнадежил. Я уснул с уверенностью, что рано или поздно раскручу это дело.

Разбудил меня громкий стук в дверь. Кажется, звонили и стучали уже долго, но я крепко спал и не слышал. Торопясь, я слишком сильно дернул «молнию» спального мешка, и ее заело. Я стал вылезать из мешка, словно зубная паста из тюбика, и в конце концов свалился на пол. Чертыхаясь, я выпутался из спальника и подскочил к двери.

На пороге стоял Леша, одетый в шорты, майку, за плечами – маленький рюкзак. Все ясно, собрался за крабами. Я вздохнул. Счастливый! Еще позавчера утром я был таким же счастливым и все мои мысли были заняты тем, как глубже нырнуть, дольше пробыть без воздуха и поймать краба покрупнее. Сейчас недавнее прошлое воспринималось как нечто навеки утраченное.

– Почему еще не одет? – спросил Леша, вскидывая свои белесые брови. – На выход с вещами, живо!

Такое впечатление, что Леша начисто забыл, что со мной случилось.

– Ты о крабах или о тюрьме, Леша? – поинтересовался я, затаскивая его в прихожую.

– Пока тебя не посадили, можно еще наловить сотню крабов, – нехорошо пошутил он.

– Я лучше займусь ловлей убийцы.

Леша поморщился. В его глазах мелькнула ирония.

– Дорогой друг, – сказал он, – предоставь этот неблагодарный труд милиции. Поверь мне, так будет лучше. Милиция должна разыскивать и наказывать преступников, а мы с тобой – крабов и прочих морских гадов.

Я понимал, что омрачаю Леше отпуск. Он успел привязаться ко мне, всерьез увлекся промыслом, и вдруг на пике нашей дружбы я вынужден был оставить его.

– Милицию все время надо подталкивать, ей надо помогать, – возразил я. – Потому что она не в такой степени заинтересована в поимке преступника, как я.

– Ну чем ты ей можешь помочь? – не унимался Леша. – Тебе надо залечь на дно – в прямом и переносном смысле. Чем меньше ты будешь светиться у них на глазах и путаться под ногами, тем лучше для тебя... Я вообще не понимаю, – добавил он со сдержанным возмущением, – какого черта ты вчера показал менту письмо?

– Если бы я его спрятал, это было бы уликой. А сам показал – уже алиби.

– Ах-ах, как все просто! – покачал головой Леша. – Ты думаешь, что милиция будет принимать во внимание психологию твоих поступков? Да им нужны только голые факты. Письмо – это факт. Накидка – это факт. Знаешь, где сейчас лежит твое письмецо? Думаешь, в кармане этого мента? А в таком сереньком скоросшивателе с надписью «Дело номер...» – не хочешь? Давай-давай, подкидывай им компромат на себя. Раньше сядешь – раньше выйдешь.

Леша испортил мне настроение. Он, конечно, в какой-то степени был прав. Но я все же надеялся на порядочность Кныша.

– Этот мент – мой друг, – не очень уверенно ответил я. – Он работал в моем сыском агентстве. Я знаю его уже много лет.

– Мент не может быть другом, как невозможно подружить хорька с курицей... Собирайся. Даю три минуты на сборы.

Он меня уламывал, и я уже почти был готов, чтобы в самом деле наплевать на все, прихватить с собой маску и ласты и уйти на полдня в морские глубины, где тихо, чисто и нежарко и сквозь толщу воды не проникает ни одна земная проблема.

– Послушай, но в обед я должен позвонить в Москву.

– К черту Москву! – отпарировал Леша. – Позвонишь со дна морского.

– Нет, Леша, не могу. Душа не на месте.

– Да брось ты! – поморщился он и передразнил меня: – Душа не на месте! От того, что ты будешь нервничать, ситуация к лучшему не изменится. Одевайся! – жестче повторил он.

– Ты берешь меня измором. Я не хочу ловить крабов, понимаешь? Просто не хочу!

Некоторое время Леша молча ходил по комнате, машинально поднял с пола спальник, а на его место кинул свой рюкзак.

– Я не знал, что ты такой упрямый, – наконец сказал он, но уже без раздражения. – Зачем ты хочешь звонить в Москву? Что ты надумал?

– Я хочу разыскать капитана яхты.

– В Москве? – удивился Леша.

– Нет, в Москве живет ее хозяин. Он-то, пожалуй, может помочь найти Караева.

– Рано или поздно милиция обязательно выйдет на хозяина. Зачем тебе надрываться?

– Я должен сделать это раньше милиции. Я частное лицо, понимаешь? И Караев наверняка будет со мной более откровенным.

– Ну что ж, успехов тебе, – потухшим голосом сказал Леша, поднимая с пола рюкзак.

– А тебе удачной охоты, – ответил я таким тоном, словно извинялся перед ним.

Перед дверью Леша неожиданно остановился.

– Да, Кирилл, чуть не забыл. У меня к тебе один деликатный вопрос.

– Валяй!

– Что касается Анны... У тебя по отношению к ней серьезные намерения?

– Ты о чем? – удивился я столь резкой смене темы. – О каких серьезных намерениях ты спрашиваешь? Мы оба вольные птицы. Она, кстати, вчера упорхнула и сейчас, наверное, уже далеко.

– Не так уж и далеко, – ответил Леша и, предупреждая мой возможный вопрос, сказал: – Я, собственно, это и хотел узнать.

Он протянул мне руку. Я, все еще недоумевая, пожал ее, закрыл за Лешей дверь, пробормотал: «Ну и ну!» – и взглянул на свое отражение в зеркале. Мое лицо, оказывается, было деформировано какой-то жалкой улыбкой. Такая бывает в тех случаях, когда человек вдоволь посмеялся над удачной шуткой, а потом вдруг выяснил, что смеялся над самим собой.

Глава 8

Я хрипел на подъеме как загнанная лошадь, но держал прежний темп, и пот уже градом катился по моему лицу, заливая глаза. Ничто так не снимает стресс, как бег на длинные дистанции. Мне приходилось довольно часто пользоваться этим средством, чтобы наводить порядок в мыслях, вычищать нервы от бремени эмоций и поддерживать себя в необходимой форме. Обычно я бегал по живописной трассе, соединяющей Судак с Новым Светом. Но сегодня я погнал себя намного дальше – через гору Караул-Оба, оттуда – по дикому пляжу поселка Веселое, а затем через каменный хаос – к мысу Ай-Фока.

От судакского причала до мыса Ай-Фока по прямой – километров девять-десять. Для яхты такого класса, какой была «Ассоль», это час ходу. «Значит, – думал я, – приблизительно в полдень яхта могла достичь мыса. От него до острова – не меньше двух часов. По времени все сходится – убийство Милосердовой на острове произошло приблизительно в два часа дня. Можно предположить, что Караев поплыл на мыс, чтобы там взять на борт Милосердову, а затем отвез ее на остров. Единственным пассажиром была директор АО или с ней был еще кто-то? Каким образом Караев переправился с острова на берег? Плавал ли он вообще в тот день на остров?» На эти вопросы ответить мог только капитан «Ассоли», которого я хотел найти, если, конечно, он был еще жив.

Перевалив через Караул-Обу, я спустился на песчаный пляж, бежать по которому было уже невозможно – увязали ноги. Попутно я искупался, не снимая с себя одежды, но, пока дошел до мыса, трусы и майка высохли, и на них снова проступили пятна соли.

Ай-Фока – треугольная скала, вонзающаяся острым углом в море, как раскроечный нож в ткань. Сразу за ней начиналась обширная бухта, на берегу которой раскинулся поселок Морское, уже много лет напоминающий грандиозную новостройку – среди кипарисов, словно соперничая с ними в стройности, торчали стволы башенных кранов, бульдозеры ставили пологие прибрежные склоны, придавая им вид ступеней, едва ли не треть пляжа была завалена бетонными опорами, стенами с дверными проемами, но все же гостиничные корпуса росли медленно, словно полярные хилые деревца, и поселок, как и много лет назад, все так же задыхался от цементной пыли, от грязи, изобилия грузовых машин, автокранов и бетономешалок.

По другую сторону мыса, откуда я пришел, сочно-зелеными пятнами выделялись виноградные плантации и контрастно царили тишина дикого пляжа и буйство красок не загаженной цивилизацией природы.

Я ходил по отшлифованным ветрами и волнами камням, отыскивая место, где яхта могла бы причалить к мысу. Со стороны дикого пляжа это сделать было невозможно – большие и мелкие подводные камни уходили от основания мыса далеко в море. Со стороны Морского я нашел единственное место, где было достаточно глубоко и где без особого риска «Ассоль» могла причалить к скале даже при небольшой волне.

«Жаль, что на воде не остается следов», – подумал я, глядя на поселок, корпуса гостиниц и причал, дрожащие в знойном мареве. У причала двигались фигурки людей, с протяжным скрипом работала лебедка, опуская на воду водные велосипеды и лодки. Я вытер вспотевшее лицо майкой, подвязал ее к поясу и пошел к причалу.

Несколько мужчин, спрятавшись от полуденного солнца, сидели в тени моторной лодки, подвешенной на тросах. Один из них черпал ложкой крошку из литровой банки, зажатой между ног, трое играли в карты, используя вместо стола большой аккумулятор. Когда я к ним приблизился, тот, который ел, буркнул, не поднимая головы:

– У нас обеденный перерыв.

Я объяснил, что лодки и водные велосипеды меня не интересуют. Картежники приостановили игру, с любопытством глядя на меня.

– А что ж тебя интересует? – спросил тот, который ел. Он еще активнее заработал ложкой, словно опасался, что я отберу у него банку.

– Позавчера на Диком острове убили женщину, – сказал я и сделал паузу.

– Слышали, – обронил один из мужчин и стал тусовать колоду. – А ты из милиции, что ли?

– Из частного сыскного агентства.

– А-а, – протянул он. – Ну, как частный сыск работает? Нашел убийцу?

– А это смотря сколько ему заплатят, – вставил второй. – Если хорошо – за день преступление раскроет. Похуже – за неделю. А не заплатят – значит, милиция отдуваться будет... Правильно я говорю, господин частный детектив?

У мужиков было настроение потрепаться.

– Это дело я веду бесплатно, – признался я.

– Это чего ж так?

– Меня самого подозревают в убийстве.

Мужики одновременно повернули головы в мою сторону. Даже тот, что махал ложкой, на мгновение замер.

– Ну, ты даешь! – искренне удивился один из сидящих за столом-аккумулятором. – Если уже сыщиков подозревают, то что о простых людях говорить?

– Как же тебя угораздило? – поинтересовался второй.

– Случайно оказался на Диком острове в тот день, – ответил я и, чтобы не вовлечь мужиков в долгие разговоры, добавил: – Теперь, значит, сам ищу свидетелей и следы преступника.

– А какие ж мы свидетели? – отозвался третий, внимательно изучая выпавшие ему карты и расставляя их в нужном порядке.

– И тем более не преступники, – добавил второй.

– Это точно... Так какой у нас козырь? Черви? А мы с десяточки пойдем!..

– Позавчера днем к этому мысу яхта причаливала. Может, кто-нибудь из вас ее видел? – спросил я без особой надежды получить ответ.

Мужики, казалось, были увлечены картами и не расслышали меня.

– Яхта – это дело, конечно, хорошее, – пробормотал один из игроков, с щелчком ударяя картой о поверхность «стола». – А мы твою десяточку валетом!

– А еще десяточка? – И снова щелчок.

– А мы ее козырной шестерочкой...

– Шестерочкой? Отлично! Есть у меня и шестерочки...

Я начинал терять терпение и уже сделал шаг в сторону, чтобы сойти с причала, как один из мужиков сказал:

– Ты погоди, парень! Видел я позавчера яхту. Без парусов, моторная, так?.. Подошла на малом ходу к мысу, постояла пяток минут, отчалила и скрылась за мысом. Больше ничего не видел.

– Ну, Гринь, теперь тебя затаскают по судам, – пошутил другой мужик, сгребая карты со «стола».

– А что мне суды? Что видел – о том и говорю.

– Может, заметили, как кто-то поднимался на борт или сходил на берег?

– Не видел. Отсюда не разглядишь – далеко.

– В котором часу это было?

– А как сейчас, около двенадцати. Обедал я.

Я спросил наудачу:

– А незадолго до того, как появилась яхта, не проходила ли здесь женщина в черном костюме и в туфлях?

– В костюме и туфлях? – переспросил мужик и усмехнулся. – Нет, браток, женщин в туфлях я тут никогда не видел. Здесь в основном в купальниках ходят.

– Иногда и без купальников, – добавил другой, кидая карту.

– А вот со стороны мыса, как и ты, дед пришел. Минут пятнадцать спустя, как яхта отвалила. Прикурил у меня трубку с таким, знаешь, мундштуком, как крючок у вешалки, и пошел в поселок.

– Дед?! – невольно воскликнул я. – В тельняшке и военных брюках?

– В тельняшке, да, – кивнул мужик. – А вот брюк не помню.

– Седой, с боцманской бородкой? Внешность такая колоритная, как у старого пирата?

– Что-то вроде того.

– Это Караев, – вслух подумал я. – Капитан той яхты.

– Как же яхта могла без капитана уйти? – с сомнением спросил мужик.

Я не ответил и, не попрощавшись, думая над тем, что услышал, побрел в поселок, на автостанцию. Выходит, Караев не плавал на Дикий остров. Яхтой управлял кто-то другой. Но не сама же Милосердова вела «Ассоль»?

Я представил себе женщину в строгом деловом костюме, туфлях-шпильках, стоящую в рулевой рубке и вращающую из стороны в сторону штурвал.

– Бред! – сказал я сам себе и сплюнул под ноги.

Глава 9

Я хотел пойти с судакского автовокзала пешком и по пути заглянуть на рынок, но на повороте меня обогнал желтый милицейский «уазик» и резко затормозил, подняв облако пыли. Я уже был готов увидеть выскакивающих из пылевого облака омонцев в масках и бронжилетах, но все ограничилось лишь физиономией Кныша, выглянувшего из открывшейся двери.

– Подвезти? – спросил он.

– Дурной знак, – ответил я, нехотя подходя к машине.

– Сегодня пока предлагаю, – со свойственным ему черным юмором сказал Кныш, – а завтра, быть может, силой посажу.

Я без особого энтузиазма влез в машину. Володя сидел за рулем, больше никого в «уазике» не было.

– Как идет следствие? – спросил я, когда мы тронулись и понеслись по центральной улице вниз.

– Неважно, – ответил Кныш и поморщился, словно проглотил горькую пилюлю. – Допрашивали работников этой шарашкиной конторы – все только плечами пожимают. Никто не знает, где Милосердова хранила деньги вкладчиков. Такое ощущение, что она их сожрала перед смертью!

Кныш нервничал и делал слишком резкие движения, отчего машина юлила по дороге, как горнолыжник на трассе слалома. Чтобы не припечататься носом к лобовому стеклу, мне приходилось крепко держаться за сиденье обеими руками.

– Видишь, что творится? – кивнул он на перекресток и притормозил.

Толпа людей заполнила тротуар и проезжую часть улицы. Машины, осторожно протискивающиеся сквозь заслон митингующих, протяжно сигналили. Стволы деревьев и угол близлежащего дома были обклеены плакатами с грозными надписями, ругательствами и восклицательными знаками. Несколько немолодых женщин, увидев милицейскую машину, кинулись прямо под колеса. Кныш выругался, остановил машину и приоткрыл дверцу.

– Это кто там в изоляторе отдохнуть хочет? – рявкнул он.

– Верните наши деньги! – крикнула одна из женщин и стала хлопать ладонью по стеклу.

– Сейчас! Разбежались, – ответил Кныш и на всякий случай захлопнул дверцу. – Я, что ли, заставлял их вкладывать деньги в это «Милосердие»? – пожал он плечами и стал нервно стучать кулаком по кнопке сигнала, но митингующие не реагировали.

– Почему они здесь собрались? – спросил я.

– А здесь филиал «Милосердия» и пункт продажи акций, – ответил Кныш и с удивлением спросил: – А ты разве не вкладчик?

– Было бы что вкладывать...

– Да я бы тоже сюда не сунулся, – махнул рукой Кныш, – да моя дура заставила. Иди, говорит, купи акций, так все делают. Купил!

Он чертыхнулся и слегка надавил на акселератор. Машина медленно поехала через толпу.

– Здесь еще спокойно, – сказал Кныш. – А в Феодосии по всей набережной движение транспорта и поездов остановлено. В Коктебеле вообще пункт продажи разнесли вчистую. Окна выбили, переломали мебель. Милиция в воздух стреляла, чтобы толпу утихомирить.

– Не могу поверить, что только Милосердова имела доступ к деньгам, – сказал я.

– Никто в это и не верит. Потому народ и возмущается.

– Кого-нибудь из сотрудников арестовали?

– Коммерческого директора. Он в день убийства был на побережье и не смог вразумительно объяснить, чем занимался. У главбуха – железное алиби, он в Запорожье. А остальные клерки – кассиры, экспедиторы, инкассаторы – вообще не были посвящены в дела акционерного общества и саму Милосердову никогда в глаза не видели.

– Но налоговая инспекция как-то должна была контролировать прибыль «Милосердия», значит, ей известно, в каких банках находятся счета.

– Знаешь, я в этом деле не сильно волоку, – признался Кныш. – Сейчас финансисты из Симферопольского УВД с документами работают. Дождемся их вывода. – Он замолчал, вырuling на свободную от людей полосу, рванул рычаг передач и быстро набрал скорость.

Он мельком взглянул на меня, словно давал понять, что в его последней фразе скрыт намек.

– Ты дашь мне домашний адрес главбуха? – спросил я.

– Ничего ты у него не выпытаешь, – ответил Кныш. – С частным сыскарем он вообще разговаривать не станет.

– Это уже мои проблемы.

– Твои проблемы сейчас заключаются в другом, – сказал Кныш и круто повернул руль. – Ах ты, собака! – выругался он. – Так и норовит под колеса сигануть... Так ты понял, что я хочу тебе сказать?

– Не совсем, – ответил я, хотя скорее всего понял.

– Твои проблемы в том, чтобы добыть себе алиби. Ты сейчас должен не спать, не есть, не трахать женщин, не ходить на море, а только думать о том, как объяснить, что в твоей лодке была найдена накидка убитой с твоим письмом...

– Это не мое письмо! – попытался перебить я Кныша, но он не обратил на мою реплику внимания.

– ...и обеспечить себе алиби. Иначе попадешь на нары. А там придумать себе алиби значительно труднее. Понял?

– Понял.

– Вот и молоток... Где тебя высадить?

– Где-нибудь подальше от милиции.

* * *

Наверное, в кабинете у Нефедова стоял телефон с определителем номера, потому как он, подняв трубку, сразу перешел к делу:

– Значит, так, слушай меня. Хозяин «Ассоли» – Артур Пиков, директор фирмы по продаже автомобилей иностранных марок, тысяча девятьсот сорок седьмого года рождения. В восемьдесят третьем сидел за валютные махинации, вышел досрочно, работал маклером, затем перегонял автомобили из Тольятти в Москву, в девяносто первом организовал фирму. Женат трижды, детей нет, постоянно проживает в Москве. Записывай адрес и телефон, но имей в виду – он вряд ли станет с тобой разговаривать.

Нефедов оказался прав. Пиков разговаривал со мной просто по-хамски:

– Кто вы такой? Какой еще Вацура? Не знаю никаких Вацур! Откуда у вас мой телефон? Не знаю ни о каком убийстве! Меня это не интересует!

– На вашей яхте обнаружен труп директора акционерного общества Милосердовой, – спокойно повторил я. – Капитан же по неясным причинам исчез. Вы можете знать, где сейчас находится Караев.

– С чего вы взяли, что я могу это знать? Если я буду думать о каждом пьянице, у меня не останется времени для решения своих вопросов.

– Я мог бы расследовать это дело без излишней огласки, – сказал я, уже понимая, что Пиков ничего полезного мне не сообщит.

– Если я сочту нужным, я сам воспользуюсь услугами частного агентства. Пока же я не нуждаюсь в вашей помощи. Желаю здравствовать. Постарайтесь не звонить мне больше.

И короткие гудки. Я опустил трубку. «Отрицательный результат – тоже результат», – подумал я, чтобы как-то утешить себя. А впрочем, кое-какие выводы можно сделать. Во-первых, Пиков переиграл. На сообщение об убийстве даже самый замшелый бюрократ отреагировал бы иначе. Пиков же слишком усердно подчеркивал свое безразличие – так может делать человек, которому известно больше, чем мне. Во-вторых, его фраза о том, что у него нет времени думать о каждом пьянице, вообще абсурдна. Речь шла не о постороннем человеке, а о капитане его собственной яхты, которому доверено содержание дорогостоящей техники. Пиков лукавил. Он не только не нуждался в услугах частного детектива. Он боялся, что к розыску убийцы подключится дополнительная следственная структура.

Я ходил по квартире, раздумывая над тем, куда теперь воткнуть свои выводы в отношении Пикова. Мне не пришлось долго ломать голову, потому как ничего другого не оставалось, как сбросить эти выводы в общую копилку фактов, которые пока не удавалось ни систематизировать, ни выстроить в логическую цепь. Чем больше я занимался делом об убийстве Милосердовой, тем более запутанным мне оно казалось.

Мне было известно, что около полудня девятнадцатого числа капитан «Ассоли» Караев на мысе Ай-Фока сошел на берег, предоставив яхту в распоряжение неизвестных пассажиров, одной из которых была Милосердова. «Ассоль» взяла курс на Дикий остров, где около четырнадцати часов директор АО была зверски убита, возможно в голем виде, после чего ее труп был одет в костюм и сброшен в трюм яхты. Убийца (или убийцы) покинул остров, предварительно подбросив накидку Милосердовой в мою лодку и столкнув последнюю в воду. Письмо-подделка, оставленное в кармане накидки, говорило мне пока лишь о том, что убийство было тщательно спланировано. Вероятно, за мной следили, выясняя, в какие часы и дни я бываю на Диком острове. Это, на мой взгляд, сделать было гораздо проще, чем добыть образцы моего почерка. Писем я никому не пишу, созданием мемуаров не увлекаюсь. Единственное, что мне в последнее время приходилось писать от руки, – так это всевозможную документацию своего сыскного агентства. Но большая часть этих бумаг хранится у меня дома, где не бывает посторонних, оставшаяся часть – в архивах отделения милиции. Как бумаги попали в руки убийцы – оставалось загадкой.

Что мне еще было известно? Что главбух и коммерческий директор «Милосердия» утверждают, что не знают, в каких банках и на каких счетах находятся деньги вкладчиков, и, таким образом, снимают с себя всякую ответственность перед многочисленными держателями акций. Диме Моргуну наверняка кое-что известно о Караеве и его последнем рейсе, но он держит язык за зубами. Владелец яхты Пиков тоже хранит какую-то тайну. Словом, эти четыре человека знают по делу убийства больше, чем говорят.

Очень условно можно предположить, что в наибольшей степени были заинтересованы в смерти Милосердовой главбух и коммерческий директор АО. Один из них сейчас сидел в следственном изоляторе, а второй пропал где-то в Запорожье.

Глава 10

Я знал, что Леша соперничает мне и всегда готов помочь, но о том, что он выведет меня на Караева, я даже не мог и мечтать. Он пришел ко мне вечером с мешком крабов, которых, вместо того чтобы сдать в ресторан, предложил сожрать самим, вывалил несчастных членистоногих в самую большую кастрюлю, какая была у меня, залил подсоленной водой и поставил на огонь. Пока крабы варились, перекрашиваясь в ярко-красный цвет, я сходил за пивом.

Наслаждаясь деликатесом, я подробно рассказал Леше о разговоре с хозяином яхты. Леша, разгрызая горячие клешни, из которых сочился ароматный бульон, хмыкал и качал головой.

– Этого следовало ожидать, – сказал он. – В самом деле, кто ты такой для Пикова? Почему он должен тебе доверять?

– Дело вовсе не в том, доверяет мне Пиков или нет. Для честного человека быстрое и профессиональное расследование – все равно что защита адвоката. Пиков отказался от такого рода защиты. Отсюда напрашивается вывод.

– Пиков чист, у него надежное алиби, и кто бы ни копал против него, ничего не накопает, – сказал Леша, с треском, словно орех, раскусывая панцирь.

– Верно. Но можно предположить и совершенно противоположное: у Пикова рыльце в пушку, потому-то он и не заинтересован в быстром и качественном расследовании.

– Тоже может быть, – согласился Леша, вытирая руки платком. – Пиков его фамилия, говоришь, – произнес он, вытаскивая из кармана брюк потрепанную записную книжку. – Когда-то у нас в больнице лежал с камнями в почках некий господин, который курирует частное капитальное строительство на побережье. – Леша листал книжку, проводя пальцем по страницам. – Он оставил мне свои координаты на всякий случай. Один раз я ему уже звонил: интересовался дачами «под ключ»...

– А зачем нам капитальное строительство? – не понял я.

– А ты думаешь, что твой Пиков, купив яхту, не приобрел где-нибудь неподалеку от порта приписки дом с видом на море?.. Ага, вот он. Илья Роменович Городецкий. Телефон в Симферополе: два шесть два шесть ноль девять. Отлично! Прямо сейчас и позвоним.

Я не очень верил в удачу и продолжал заниматься крабами, глядя на Лешу, который, мурлыкая под нос песенку, крутил диск телефона.

– Алло! Илья Роменович! – крикнул Леша в трубку. – Что-то совсем плохо слышно... Ага, вот уже лучше. Это Малыгин. Вспомнили такого?

Несколько минут Леша расспрашивал у Городецкого о его здоровье, передавал приветы жене и сыну, после чего сказал:

– Нужна ваша помощь, Илья Роменович! Есть фамилия, но нет адреса дома... Как вы сказали? Уверен ли я, что дом построен на побережье? Конечно, уверен! – красиво соврал Леша и подмигнул мне. – Пиков его фамилия. Артур Пиков. Постоянно проживает в Москве... Мой телефон? Секундочку!

Леша прикрыл трубку рукой и спросил у меня:

– Давай твой номер! Он перезвонит сюда сам.

Не успел Леша разобрать очередного краба и отпить из стакана пива, как телефон зазвонил.

– Слушаю вас! – крикнул Леша. – Ага, записываю... Поселок Морское, улица Энгельса... Неужели еще такие улицы бывают?.. Дом триста. Круглая цифра... Все ясно, Илья Роменович! Спасибо большое!

Он положил трубку и с победным выражением на лице посмотрел на меня.

– Ну как, Шерлок Холмс? Здорово сработано?

Я, не скрывая своего восхищения, пожал Леше руку.

– У нас есть слабая надежда, что Караев пережидает шумиху в этом особняке, – сказал Леша, глядя на адрес, который он записал на полях газеты.

– Я в этом почти уверен, – более оптимистично добавил я. – Караева видели в Морском после того, как яхта отчалила от мыса Ай-Фока. Только не совсем понятно, какой смысл Пикову прятать Караева на своей даче.

Леша махнул рукой.

– Что здесь непонятного? Зачем опытного, надежного капитана отдавать на растерзание милиции? Пиков прекрасно понимает, что в первую очередь заподозрят старика и наверняка упекут его на тридцать суток в следственный изолятор. А старый человек со страху может наговорить лишнего: кого возил на яхте, о чем говорили пассажиры. Мало ли в какие тайны был посвящен Караев!

Я в легком возбуждении вскочил из-за стола, допивая пиво из стакана.

– Ты куда? – удивился Леша.

– В Морское.

– Не лучше ли утром поехать?

– Не лучше. Время – деньги. – Я схватил со стола краба и попытался затолкать его в карман джинсов. – Съем в дороге. А ты, если хочешь, оставайся у меня. Здесь работы, – я кивнул на стол, заставленный бутылками с пивом и заваленный крабами, – непочатый край.

Леша пожал плечами и не совсем решительно взялся за свой мешок, намереваясь пойти со мной. Я мысленно извинился перед ним за то, что в очередной раз испортил человеку отдых, и выскочил из квартиры.

* * *

Второй раз за день бежать из Судака в Морское по сложнейшей трассе – это слишком, так вряд ли тренируется даже олимпийская сборная по марафону, но у меня не оставалось другого выхода. Все автобусные рейсы на Морское уже закончились, а ловить попутку на шоссе можно было до утра. К счастью, я выпил не много пива, а что касается крабов, то наестся ими до отвала можно только в том случае, если разобрать как минимум штук сто. Я не был ничем отягощен и находился в прекрасной спортивной форме. К тому же силы мне придавала вера в успех.

До Нового Света я доехал на автобусе и, распугивая отдыхающих, легкой трусцой побегал по тропе Голицына мимо живописных бухт и гротов. За час я добрался до мыса, откуда, уже не торопясь и прихрамывая, приплелся в поселок.

Дом номер триста находился достаточно далеко от моря, на горке, утыканной кипарисами, как шипами. Это был очень симпатичный двухэтажный особняк стального цвета с пористыми стенами, напоминающими срез свежего ржаного хлеба. Затемненные стекла надежно закрывали внутренность особняка от знойных солнечных лучей. Ограда из сетки-рабицы была плотно обвита виноградной лозой, отчего нельзя было рассмотреть двор и первый этаж особняка. Калитки я не нашел и постучал в большие двустворчатые ворота, предназначенные для въезда автомобилей.

Как и следовало ожидать, мне никто не открыл – дед, если он там был, не для того прятался, чтобы открывать кому попало на стук. Я дважды обошел особняк вдоль изгороди, всматриваясь в каждую дырочку, словно лис, пытающийся проникнуть в курятник, и точно выяснил только одно: сторожевой собаки нет.

У меня не было стопроцентной уверенности в том, что это в самом деле особняк Пикова. От ошибок не застрахован никто, в том числе и Илья Роменович. Проникновение

в чужой дом сулило мне большие неприятности, но я привык рисковать не задумываясь и, убедившись, что за мной никто не следит, перемахнул через изгородь.

От особняка лучами расходились дорожки, выложенные цветными плитками. Между ними плотно росли цветы. Я обратил внимание на то, что земля на цветниках влажная, – значит, кто-то ее недавно поливал. Бесшумно приблизившись к входной двери, обитой черным дерматином, я нажал кнопку звонка.

Никакого результата.

Интуиция редко когда подводила меня, и я чувствовал, что кто-то стоит за дверями, смотрит на меня через глазок и прислушивается к моим шагам. Я двинул по двери кулаком и крикнул:

– Караев, открывай! Слышишь, дед? У меня важное дело к тебе! Открывай, я знаю, что ты дома.

Это сработало, как волшебное заклинание «сим-сим». Лязгнул замок, дверь приоткрылась, и показалось испуганное лицо Караева.

– Чего гремишь? – сильным голосом спросил он, узнав меня. – Чего хулиганишь здесь? Что надо? Какое еще у тебя ко мне дело?

Я почувствовал запах спиртного: наверное, дед квасил в одиночку. Одет он был так же неряшливо, как всегда, – в застиранную тельняшку и старые военные брюки галифе. В его крепкой ладони, украшенной татуировкой фрегата, летящего под всеми парусами навстречу солнцу, дымилась трубка с тонким, сильно выгнутым мундштуком. Дед был небрит, его щеки и подбородок окутывал белый налет седой щетины.

– Я звонил твоему шефу, – с ходу придумывал я, потеснив старика и зайдя в дом. – И он сказал мне, где ты прячешься.

– С чего это я прячусь? От кого мне прятаться? – возразил Караев, придерживаясь руками за стены. – Я тут за домом приглядываю, пока хозяина нет. А какое дело у тебя? Что тебе надо?

Я мельком осмотрел прихожую. Видимо, Караев по комнатам не ходил и не поднимался на второй этаж, а жил здесь, спал на раскладушке и ел за узким кухонным столиком, заставленным десятком пустых винных бутылок и раскуроченными консервными банками.

– Я веду следствие, – сказал я, рассматривая этикетки на бутылках.

– Ну и веди себе, – спокойно отозвался Караев. – А я зачем тебе нужен?

«Караев ничего не знает о том, что произошло на его яхте, – понял я. – Может быть, это даже к лучшему. Если я расскажу ему об убийстве Милосердовой, то старика это известие может шокировать, испугать, и он ничего полезного мне не расскажет».

– Твои пассажиры в нехорошую историю вляпались, – сказал я. – Дело, конечно, пустячное, но все равно требует расследования.

– Какие еще пассажиры?

– Которых ты позавчера на Ай-Фока взял. Кто ж яхту незнакомым людям доверяет?

– Ты чего-то недоговариваешь, парень, – насторожился дед. – Угробили «Ассоль», что ли? Или наехали на кого?

Я кивнул, словно подтверждая слова деда, но сказал уклончиво:

– Об этом позже. Ты мне сначала ответь: кого ты на борт в тот день взял?

Дед вдруг проявил характер. Он сел на табурет, взял со стола пустой стакан, покрутил его и поставил на место.

– Мне хозяин не велел об этом распространяться. Ты ж не милиционер, чтобы я перед тобой отчитывался.

– Ты хочешь, чтобы я привел милиционера? Это очень просто, но милиция будет с тобой по-другому разговаривать.

– А ты меня не пугай. Я не в том возрасте, чтобы пугаться.

С Караевым надо было разговаривать как-то иначе. Я обнял его одной рукой, посмотрел в глаза.

– Дед, я тебе помогал? Жену твою в Институт онкологии устроил?

– Устроил, – кивнул Караев.

– Теперь ты мне помоги. Я многого от тебя не хочу. Расскажи: кому ты отдал «Ассоль», почему не поплыл вместе с ними, почему не идешь домой?

Дед расслабился, почесал затылок и снова взял пустой стакан.

– Тогда, может быть, ты сбегашь за «Славянским»? Чего всухую беседовать?

– Договорились! – обрадовался я. – Рассказывай мне все подробно, и я бегу в магазин.

– К тому времени он закроется. Пятнадцать минут осталось.

Я боялся, что Караев после пары стаканов уже не будет способен внятно говорить.

– Давай так, – предложил я компромисс. – Сейчас за пять минут рассказываешь вкратце, а потом, когда я вернусь из магазина, – подробно. Идет?

Караев с тоской взглянул на стакан и произнес:

– Ну, что рассказывать?

– Кого ты посадил на мысе Ай-Фока?

– Бабу молодую.

– И все?

– Больше я никого не видел.

– Но не баба же управляла яхтой!

Караев усмехнулся и принялся набивать трубку табаком.

– Естественно, не баба. Но мужика я не видел. Баба встречала меня на мысе одна, я помог ей на корму запрыгнуть, иначе она бы точно в воду свалилась. И все время поторапливала: идите, мы сами, без вас разберемся. Или что-то в этом роде. Я точно не помню. Она вообще была странная.

– Что значит – странная?

– Ну, вроде как пьяная, но запаха не было. Глазищи огромные, взгляд плывет, и улыбка на лице какая-то клоунская.

– И ты вот так просто доверил яхту посторонним?

– Ну что ты! Разве без ведома хозяина посмел бы я отдать «Ассоль»?

– Пиков разрешил тебе сдавать яхту в прокат незнакомым людям?

– Не совсем так, – ответил Караев, подкуривая трубку и наполняя прихожую едким дымом. – Пиков дал мне телеграмму. – Он поднял лицо к потолку, прищурился, вспоминая ее текст. – «Живи на даче до моего приезда. Яхту сдай в прокат. Клиент найдет тебя сам».

– И как клиент нашел тебя?

– Да очень просто! Позвонил мне накануне домой и сказал, чтобы завтра я подогнал яхту к Ай-Фока, где меня встретит его мадам. Вот и все.

– Ты по голосу не узнал клиента?

Караев отрицательно покачал головой.

– Как его узнаешь? Голос как голос. У всех такой.

– Он заплатил тебе за прокат?

– Нет. Сказал, что с Пиковым рассчитается сам... Слушай, пять минут осталось!

– Все, бегу!.. Последний вопрос: та баба была в черном костюме и туфлях?

– Чего? – удивился Караев. – В каких еще туфлях? В резиновых шлепанцах и шортах, таких, знаешь, высоко обрезанных, что задница голая сверкает, вот она в чем была.

– В шортах? – не поверил я и положил ладони себе на грудь. – А здесь?

– Здесь майчонка какая-то. В общем, не одежда, а так, одно название. Вся молодежь так по пляжу ходит... Ну, ей-богу, опоздаешь! Давай бегом! Две бутылочки прихвати, добро? И баночку консервов на закуску. Потом продолжим.

Я вышел к воротам, сдвинул в сторону засов, открыл одну створку и побежал вниз по улице к гастроному. «Что-то не то, – думал я, представляя директора акционерного общества в шлепанцах, коротких шортах и майке. – Даже если она собралась на морскую прогулку, то все равно оделась бы соответственно своему положению и возрасту. Не напутал ли чего дед? А может быть, Милосердова и мужчина поднялись на яхту позже, когда Караев уже ушел? Кто же тогда была эта баба во фривольной молодежной одежде?»

Перед дверью в гастроном я неожиданно вспомнил про «фенечку» – маленькую самодельную сумочку, какие носят на шее хиппи. Эту штуковину я нашел на острове недалеко от того места, где качалась на волнах яхта. Если во всей этой истории замешана еще одна женщина – «баба в коротких шортах и майчонке», то шейная сумочка могла принадлежать только ей.

«Две женщины и один мужчина, – думал я, заходя в торговый зал и отыскивая взглядом винную полку. – Классический любовный треугольник. Две женщины и один мужчина – самая взрывоопасная смесь, какую когда-либо знало человечество. И еще известно, что женщины убивают более жестоко, чем мужчины...»

Внезапная догадка обожгла мое сознание с такой силой, что продавщица трижды крикнула мне, прежде чем я пришел в себя:

– Закрываем, мужчина! Вы что, оглохли или деньги потеряли?

Глава 11

Я брел по улочке с двумя бутылками крепленого «Славянского» и банкой килек, не замечая никого вокруг и не ориентируясь в пространстве. Ноги сами собой вынесли меня на набережную, где на короткое время я пришел в сознание, повернул обратно и снова погрузился в мир своих мыслей.

«Для этой эмансипированной девушки в шортах дед был ненужным свидетелем, – думал я, – поэтому она старалась поскорее отправить его восвояси. Караев отметил, что она вела себя как-то странно, иными словами, она была возбуждена, о чем говорили ее расширенные зрачки и нервный смешок. Неопытные убийцы, готовя кровавую расправу, ведут себя приблизительно так же».

И еще одна фигура вызывает не меньше, а, может быть, даже больше вопросов. Кто этот «клиент», отправившийся на яхте с двумя женщинами на необитаемый остров, одна из которых – богатейшая коммерсантка побережья, а другая – скромно одетая хиппи?

Я едва не проскочил мимо дома во второй раз, вернулся к открытой створке ворот и зашел во двор.

– Эй, морской волк! – крикнул я, подходя к двери. – Есть предложение накрыть полянку во дворе. А то дома слишком душно.

Дед, должно быть, возился в шкафу с посудой и нечаянно сбросил на пол то ли миску, то ли кастрюлю. Уже смеркалось, и в полумраке немудрено было свернуть себе шею о косяк. Я остановился у входа в дом, всматриваясь в темную утробу прихожей.

– Эй! – позвал я. – Ты чего в темноте сидишь? Экономишь электроэнергию?

Дед не отозвался. Я поставил бутылки и консервы на бетонную ступеньку и зашел внутрь.

– Дедуля! – позвал я тише. – Ты что, вздумал со мной в прятки играть?

Я стоял посреди темной прихожей, всматриваясь в призрачные силуэты раскладушки, кухонного стола и лестницы, ведущей на второй этаж. Возбужденное настроение быстро сменилось недоумением и настороженностью.

– Дед! – еще раз позвал я, но уже совсем тихо.

Я стал шарить по стене в поисках выключателя. Мне показалось, что где-то в глубине дома скрипнула дверь. Ладонь легла на кнопку выключателя. Щелчок – и под потолком вспыхнула лампочка.

Щурясь от света, казавшегося нестерпимо ярким, я смотрел на ноги Караева в галифе с голубым кантом и в поношенных черных ботинках, выглядывающие из-под синего одеяла, которым он был накрыт с головой. Дед лежал на полу без движений, без храпа или сопения, которые выдали бы его сон, и я, уже предчувствуя беду, наклонился и потянул на себя край одеяла.

Из-под одеяла выпученными глазами на меня глянул мертвец с ужасным выражением на отечном лице. Его рот был приоткрыт, зубы оскалены, и между ними синел огромный, словно кляп, язык. Руки старика, напоминающие высохшие корявые ветки, лежали на шее, прикрывая проволоку, которую я не сразу заметил. Тонкая стальная нить глубоко врезалась старику в горло, поранив сморщенную кожу.

Я опустил на колено, приподнял голову старика. На затылочной части шеи проволока была перекручена при помощи небольшой палки. Чтобы придушить несчастного, убийца повернул ее вокруг оси раз пять-семь.

Что-то снова скрипнуло за дверью, которая вела в одну из комнат. Я машинально глянул по сторонам в надежде отыскать какой-нибудь тяжелый предмет, который можно было бы использовать в качестве оружия. Как назло, не было ничего подходящего, и мне пришлось

взять со стола пустую бутылку и шарахнуть ею о край стола. Сжимая «розочку» в руке, я приоткрыл дверь в комнату. Там было темно, но я успел заметить, как темная фигура метнулась в оконный проем.

Стул загрохотал под моими ногами, когда я кинулся на выход, затем под ноги попала одна из бутылок «Славянского», стоящая на ступеньке перед дверью. Она взлетела в воздух, упала на бетон и разбилась вдребезги, распространяя вокруг себя приторный запах дешевого портвейна. Человек, выскочивший из окна, сделал несколько широких шагов к изгороди, покочавшись прыгнул на нее, уцепившись за сетку руками и ногами, и, согнувшись пополам, ловко перемахнул на другую сторону, описав ногами петлю. Я успел разглядеть, что он был одет в спортивный костюм, а на голове – что-то вроде спортивной шапочки с прорезями для глаз, надвинутой на лицо.

Я не был уверен, что смогу догнать его, если полезу следом через забор, и побежал к воротам. Выскочив на улицу и отбросив в сторону совершенно бесполезную «розочку», я изо всех сил побежал вверх вдоль забора. Оказывается, убийца перемахнул на территорию чужого двора, а не на улицу. Выходит, я снова был отрезан от него забором – на этот раз кирпичным, с узким навесом. Ругаясь самыми страшными словами, расталкивая отдыхающих, жидким потоком поднимающихся по дороге с моря, я побежал вдоль забора, чтобы перекрыть убийце выход через ворота. В воротах стояла серая «Волга» с поднятым капотом, и два мужика в майках с умным выражением на лицах осматривали мотор.

– Никто не выбегал? – задыхаясь, спросил я.

Один из мужиков поднял недоуменное лицо.

– А кто должен был выбежать?

Я не стал вдаваться в подробности и побежал дальше, намереваясь обогнуть забор по периметру. Свернув за угол, я увидел в конце улицы человека в спортивной одежде, бегущего, как мне показалось, легкой трусцой. Голова его по-прежнему была закрыта черной маской. Обернувшись на мгновение, он сделал короткий взмах рукой, словно поддразнивал меня, и исчез за очередным поворотом.

Я рванул с такой скоростью, на какую вообще был способен, хотя понимал, что убийцу потерял из виду и вряд ли уже найду. Улочка, на которую он свернул, внезапно оборвалась, разбилась на множество тропинок, часть из которых вела к набережной, а другие бежали вверх по пыльному склону, поросшему выжженной травой, заваленному строительным материалом, исполосованному траншеями под фундамент будущих домов. Я взбежал наверх, откуда мог увидеть всю набережную, но среди людей, движущихся по ней, не было похожего на человека в спортивном костюме.

Уже без всякой надежды я побродил по стройке, спугнул сторожевого пса, который, захлебываясь слюной, лаял на меня до хрипоты и тыкался мокрой мордой мне в ногу, имитируя укус.

Убийца ушел. Он сработал почти профессионально, а затем быстро и без шума покинул дом. Ни я, ни какой-нибудь случайный свидетель не видели его лица. Не думаю, что на месте преступления этот человек оставил следы. Зато там было в изобилии моих отпечатков.

Я плюнул на заходящегося в истерике пса и спустился вниз. «Счет два – ноль, – подумал я. – Меня подставили во второй раз. Должен признать при всем своем неприятии противника, что это был сильный ход. Во-первых, он убрал свидетеля, во-вторых, сделал это так, что подозрение в первую очередь ляжет на меня».

Я брел по набережной, вяло махая рукой проезжающим мимо машинам. Возвращаться на дачу и стирать свои отпечатки я посчитал глупым и бессмысленным делом – лишь в очередной раз засвечусь, а попытка убрать следы добавит мне улики. Надо немедленно рассказать Кнышу обо всем, что произошло. Чем быстрее, тем лучше.

Ведомственный автобус довез меня до пансионата львовских железнодорожников. Я пошел домой напрямик, через танцплощадку, где уже толпился народ, выплескивали пучки света прожекторы, гремела музыка и содрогались от усердия старые колонки. Какая-то сумасшедшая, потная, как регбистка, дева схватила меня за руку и попыталась увлечь в толпу танцующих.

– Ну куда вы? Ну куда вы? – скороговоркой зачастила она, когда я отцепился от ее влажной руки и кинулся в плотную тень кипарисов. Там, впрочем, уединиться не удалось, так как я налетел на двух подростков, занимающихся наполнением стакана какой-то темной жидкостью. Пришлось снова круто менять направление, и, протиснувшись сквозь хвойные заросли, я едва не выпал на аллею, освещенную фонариками. Меня тошнило от людей. Я не мог избавиться от чувства, что убийца старика ходит где-то рядом, что под мерный рев рока он прыгает вместе с толпой, заливадается потом, неистово хохочет и все люди вокруг него знают, что он совершил час назад, но никто не возмущается, не осуждает его, и связанная круговой порукой немая хмельная толпа, которую свет прожектора высвечивал обрывочными фрагментами, безмолвствовала и хранила в себе страшную тайну.

По аллее чинно прогуливались парочки зрелого и юного возраста, и я, к своему величайшему изумлению, вдруг увидел фланирующую впереди меня Анну в коротком платье, едва прикрывающем неглиже, с обнаженными округлыми плечами, покрытыми белым налетом шелушащейся кожи. Она держала под руку Лешу, одетого в излишне претенциозные белые брюки и белую рубашку, оттеняющую его загорелые до черноты руки.

Я как вкопанный застыл посреди аллеи, мешая людям, и меня начали толкать со всех сторон. Подавив в себе желание догнать Анну и Лешу и выяснить у них, по какому такому праву они шляются здесь по ночам, я вовремя понял нелепость этого поступка. Незнакомое мне чувство, казалось, стремительно заполняло мою плоть, словно вода впитывалась в губку. Я судорожно сглотнул комок, вставший в горле, зачем-то провел ладонями по карманам, словно хотел убедиться, что меня не обокрали, хотя красть было нечего.

«Так вот почему Леша интересовался нашими отношениями с Анной, – подумал я. – Надо же, какой он оказался шустрый. Стоило выпустить бабу из-под крыла, как он тотчас пригрел ее под своим».

Ревность душила меня, и я, уже боясь попасть на глаза Анне и Леше, но тем не менее умирая от любопытства, снова скрылся в кустах, пошел по газону параллельно им, между освещенной аллеей и черной каймой крепостной стены, застывшей на фоне темно-синего неба. «Значит, она не уехала, – то ли вслух, то ли в уме бормотал я. – Она осталась на побережье и завела шашни с моим другом. Прекрасно! Прекрасно! Ничто так ярко не характеризует ее, как этот поступок. Господи, какой же я был наивный дурак, когда верил в искренность ее чувств ко мне, да еще и мучился от угрызений совести, что не могу ответить ей взаимностью! Анне же, оказывается, нужен был только повод, чтобы уйти от меня, разорвать затянувшийся со мной союз. И что же? Повод был замечательный, редкостный. Как же, дамская накидочка, да еще и с любовным письмецом. За такой повод держаться надо зубами, что Анна и делала, не принимая от меня ни объяснений, ни оправданий, которые могли бы свести на нет такой удачный случай».

Леша и Анна, неслышно переговариваясь, спустились по ступенькам на шоссе и свернули на улочку Морскую, где Леша снимал комнату. Асфальт кончился, под их ногами зашуршал гравий, и они стали разговаривать громче. Я, стараясь держаться в тени заборов, шел за ними на расстоянии метров тридцати и не мог расслышать все достаточно отчетливо.

– Это комплексы, – говорил Леша. – Забудь об этом... Каждый волен поступать так, как...

– Ты извини, что я... – тихо отвечала Анна. – Надо было поплакаться... Все, что угодно, я готова простить...

– Вот здесь, – ответил Леша. Они остановились под широкой темной ветвью абрикоса. – Очень уютно. Тебе понравится.

Они стали говорить тише, и я снова не мог разобрать слов. Негромкое бормотание продолжалось недолго. Кажется, Леша пытался затащить Анну к себе в комнату, но она сопротивлялась. Я, затаив дыхание, прижался к теплой каменной кладке, чувствуя нестерпимый запах свинарника. Похоже, я встал ногой в сливную лужу, но менять позицию сейчас было рискованно – они могли меня заметить.

Анна отступила на шаг, но Леша достаточно профессионально привлек ее к себе и поцеловал. «Сволочь! – подумал я. – Неужели на побережье мало девочек?»

Мне нестерпимо захотелось выйти к ним из своего укрытия с каким-нибудь идиотским вопросом вроде: «А что это вы тут делаете?» – и прервать их стремительно развивающуюся любовную игру. Интересно, а как бы на это отреагировала Анна? Захлопала бы глазками, прикинулась дурочкой и стала бы лепетать, что Леша совершенно случайно встретил ее на танцплощадке и решил проводить домой, но нечаянно получилось так, что это она проводила Лешу? А может быть, она едко процедила бы: «Шпионишь, Вацура?.. Ну что ж, хорошо, что ты уже все знаешь. Да, мы с Лешей давно любим друг друга. Он в отличие от тебя не такой зануда...»?

Я едва не застонал от боли, которая пламенем разрасталась в груди. Чувство злости к Анне и Леше дополнялось ощущением какой-то невосполнимой утраты. Мне казалось, что я не сентиментален, но почему-то вдруг на глаза накатила тяжесть и в голову совсем некстати полезли воспоминания о тех безвозвратно ушедших временах, когда мы с Анной были близки. «Что имеем – не храним, – подумал я чужой мыслью, – а теряем – горько плачем».

Если бы Леша все-таки затащил Анну к себе, то я, наверное, проторчал бы под фанерными стенами летнего флигеля до утра, а потом умер бы от ревности. Но Анна, к счастью, распрощалась с Лешей, отклонила его ненавязчивую просьбу проводить ее и быстро пошла по Морской дальше, в сторону крепостного барбакана. Леша недолго смотрел ей вслед, после чего исчез за калиткой.

Я плелся за Анной, уже не соблюдая правил конспирации. «Пусть она увидит меня, – думал я, нарочно шаркая ногами. – Я выскажу ей все, что о ней думаю, я припомню всех ее ухажеров, я устрою ей разбор полетов по всем правилам».

До разбора, однако, дело не дошло. Анна не оборачивалась на покашливание, кряхтение и вздохи, которые я издавал, и зашла в один из домов на Рыбачьей, где почти в каждом дворе сдавали комнаты.

Глава 12

Я позвонил Кнышу домой рано утром. Кажется, он, как и я, еще лежал в постели, потому как голос его был сонным и безрадостным.

– Я вышел на Караева, – сказал я.

– Это хорошо, – отозвался Кныш.

– Его убили вчера вечером, Володя.

– Это плохо.

В трубке невнятно забурчало. Наверное, Кныш прикрыл микрофон ладонью и что-то сказал жене. А может быть, выругался матом. Наверное, мне не надо было вдаваться сейчас в подробности, но я не удержался.

– Я разговаривал с дедом, потом отлучился минут на пятнадцать, а когда вернулся – тот уже был удушен. Я видел убийцу, Володя, но ему удалось уйти.

Кныш молча сопел в трубку. «Скотская у него жизнь, – мимоходом подумал я. – Только глаза утром продрал, как на голову сразу сваливаются паршивые новости».

– Ну что ты за человек! – простонал Кныш и, кажется, сплюнул. Если человек в собственной спальне плюется, то я его действительно достал. – Ты хочешь сказать, что тебя снова подставили? Надо же, какая популярная личность в криминальном мире!

Я стремительно падал в глазах Кныша.

– Ты что, не веришь мне? – зачем-то спросил я, хотя на его месте тоже не поверил бы такому сочетанию случайностей.

– Плохи твои дела, – сказал Кныш.

– Ты еще ни в чем не разобрался, а уже хоронишь меня, – ответил я с надеждой, что Кныш как-то поддержит меня или на крайний случай скажет что-то оптимистичное. – Там вчера меня видели как минимум человек пять. Продавщица винного отдела легко вспомнит, в котором часу я покупал у нее «Славянское»...

Должно быть, мой лепет сильно смахивал на оправдание. Кныш перебил меня, огорошив совсем другой новостью:

– Да я не о том. Меня сейчас убийство Милосердовой больше занимает. Здесь у нас бригада с документами работала... В общем, Кирилл, выяснилось, что ты сказал мне неправду.

Я, конечно, не святой и после такого заявления не мог тотчас ответить однозначно: «Упаси господь, Володя! Я тебя не обманывал». Упрек Кныша заставил меня призадуматься. Он молчал. Мне в голову не приходило ни одной компрометирующей меня мысли.

– Самое интересное заключается в том, – сказал я, – что я не могу вспомнить, когда обманул тебя.

– Страдаешь провалами памяти? – усмехнулся Кныш. – Тогда напомню. Что ты мне сказал вчера насчет своего вклада в «Милосердие»?

– Что сказал? – переспросил я. – Сказал, что вкладывать, к сожалению, нечего. А разве это не так, Володя?

– Да-а-а, – протянул Кныш. – А утверждаешь, что откровенен со мной. Нехорошо.

– Да что нехорошо, черт возьми?! – вспылил я. – Что ты загадками со мной говоришь?

– Кирилл, – каким-то усталым голосом ответил Кныш, – в «Милосердии» у тебя есть валютный счет. И на том счету висит двадцать пять тысяч баксов. Плюс проценты.

– Что?! – не поверил я своим ушам и даже стал заикаться от волнения. – Какие еще двадцать пять тысяч баксов? Что ты пургу метешь? Откуда у меня такие деньги? Никогда у меня не было ни валютного, ни купонного...

– Слушай сюда! – не дал мне договорить Кныш. – Все это будешь объяснять следователю. Сам понимаешь, прикрывать я тебя больше не могу. Несколько человек, у которых на счету «Милосердия» висят крупные суммы, взяты под особый контроль.

– По той причине, что эти люди больше других могли желать смерти Милосердовой, отказавшей им в выплате? – усмехнулся я. – Железная у вас логика.

– Не мне решать, железная или деревянная. Я просто предупреждаю, что тебя в ближайшее время вызовут на допрос. И там ты расскажешь следователю, где был в час убийства девятнадцатого числа, как в твою лодку подкинули плащ убитой с письмом. А потом еще добавишь про Караева: как пытался поймать убийцу.

Кажется, Кныш зло иронизировал.

– Володя, но ты же сам понимаешь, что с такими фактами из личной жизни у меня прямая дорога в следственный изолятор. Что мне делать?

– Не знаю. Единственное, что советую, – это не пытаться сбежать.

– Но если я приду к следователю и дам показания, меня сразу же посадят.

– Возможно, – после паузы ответил Кныш. – И все-таки так будет лучше. Я найду тебе хорошего адвоката, и если ты говоришь правду, то беспокоиться тебе нечего.

– Ты меня успокоил, – огрызнулся я и швырнул трубку на аппарат.

«Черт возьми! – думал я, вылезая из спального мешка. – Кажется, вокруг меня остается все меньше и меньше людей, которые бы верили мне, как самим себе. Анна с легкостью необыкновенной променяла меня на симферопольского заезжего анестезиолога. Володя Кныш, как дешевая ЭВМ, дал сбой и перестал мне верить, как только ситуация усложнилась и стала неординарной. Остался Леша, с которым я знаком не больше месяца и с которым очень скоро мы расстанемся. Я не могу винить его в том, что он отбил у меня Анну, – я сам сказал ему, что нас с ней ничто не связывает и мы свободные люди. Но как теперь верить ему и надеяться на его помощь?»

* * *

Мне показалось удивительным то, что Анна пришла ко мне похвастать своим счастьем. Я считал, что всякая нормальная женщина в ее положении постарается быстрее исчезнуть с моих глаз, чтобы никогда больше не встречаться со мной и не подыскивать в связи с этим дурацких оправданий.

– Физкультпривет! – крикнула она, прикладывая ладонь к виску, словно отдавала честь.

Я занимался делом, которое прекрасно успокаивает нервы: сидя на верхней перекладине стремянки, собирал персики. Молча глянул на Анну, аккуратно опустил в ведро мохнатый фрукт и потянулся за очередным.

– А я выхожу замуж! – объявила Анна, отодвигая в сторону ветку и заглядывая мне в лицо.

– Поздравляю.

– Знаешь, за кого? – Ее глаза сверкнули безумным блеском.

– Догадываюсь.

– Не может быть! И что ты по этому поводу думаешь?

– Ничего не думаю, – пожал я плечами. – Мне что, не о чем больше думать, как о всякой чепухе?

Анна сорвала персик, надкусила его, извлекла косточку и, причмокнув, кинула ею в меня.

– И ты даже не ревнуешь?

– Размечталась!

Переступая через картофельные грядки, она стала ходить вокруг дерева. «Зачем она все это мне говорит? – думал я, делая вид, что увлеченно собираю персики. – Чтобы отомстить мне и удовлетворить свое ущемленное самолюбие?»

– Не топчи ботву, – сказал я.

– Ничего не сделается с твоей ботвой. – Анна остановилась, сунула руки в карманы шортов. Я интуитивно чувствовал, как в ней клокочет энергия, словно в паровом котле, где давление выросло до критической отметки. Ее слепило солнце, и Анна шурилась, отчего глаза превратились в тоненькие щелочки.

– Надеюсь, этот человек окажется намного достойнее меня, – сказал я.

– Конечно, достойнее! Можешь даже не сомневаться в этом! – воскликнула Анна. – Это замечательный человек. Он в отличие от некоторых никогда не предаст.

Все ясно. Анна решила возобновить дискуссию. Если человек по своей воле возвращается к давно закрытой теме, значит, его мучают сомнения.

– Когда свадьба? – поинтересовался я.

– Очень скоро.

Я вздохнул.

– Жалко парня.

Анна достала из заднего кармана пачку сигарет и попыталась прикурить, но спичка каждый раз ломалась. Заметив мою усмешку, она кинула сигарету под ноги и втоптала ее в землю.

– Мне жалко тебя, Вацура, – сказала она. – Мечешься, лавируешь, всюду хочешь успеть, отовсюду по кусочку урвать и, где можно, столбишь территорию. И даже не оглядываешься вокруг, не интересуешься, кого походя обидел. Но учти: зло, которое ты совершил, вернется к тебе, как бумеранг. Это закон жизни. Все в ней сбалансировано. Отольются кошке мышканы слезки.

Если бы я сейчас свалился с лестницы и сломал себе шею, то Анна получила бы моральное удовлетворение. «Дудки», – подумал я и на всякий случай взялся за перекладину покрепче.

– Ты не пугай, – посоветовал я. – Лучше расскажи, как Леша тебя под акацией тискал. Как, кстати, он в постели?

– Дурак! – оценила мое остроумие Анна, быстро нагнулась, схватила ком земли и запустила им в меня. Я едва успел увернуться, и снаряд, пролетев мимо, загрохотал по жестяному козырьку.

– А ты мазила, – ответил я.

– Я не мазила, – грустно возразила Анна. – Я идиотка. Потратить лучшие годы жизни на такое ничтожество, как ты! Никогда не прощу себе этого.

– Точно! – кивнул я, подвешивая заполненное наполовину ведро на ветку. – Мои многочисленные дамы, включая Эльвиру Милосердову, так и сказали: зря, мол, Анна потратила свои лучшие годы на ничтожество.

Наша словесная дуэль могла продолжаться еще достаточно долго, если бы вдруг рядом с дачей не раздался пронзительный визг тормозов машины. Густая крона дерева не позволяла мне увидеть, кого еще там принесло, но интуиция подсказала, что ничего хорошего сейчас не произойдет. Я оттянул ветку в сторону. Внизу, у самого забора, матово отсвечивала желтая крыша милицейского «уазика».

Удивительные вещи творятся с человеком, когда он понимает, что милиция пришла за ним. Знакомые и привычные предметы, которые окружали и казались вечным, обязательным и естественным приложением к жизни, вдруг отдаляются со страшной скоростью. Вроде бы вот она, веточка персика с тяжелым темно-красным шаром, прямо перед глазами, но почему-

то кажется, что она уже не та, что была мгновение назад, она уже в прошлом – далеком и недоступном, а впереди вместо веточки уже чернеет холодная сталь решетки.

Анна лишь на секунду обернулась, равнодушно посмотрела на машину, снова надкусила персик и принялась было опять сочинять убийственные фразы и выражения, но я уже отложил свою работу на неопределенный срок, спустился на землю и поставил ведро около ее ног.

– Кушай. Тебе перед свадьбой полезны витамины.

Два милиционера в рубашках, пропотевших до белых разводов, уже заходили во двор.

– Привет, ребята! А я вас уже с самого утра жду! – попытался состричь я, хотя не был уверен, что мне удалось сделать радостную физиономию.

– Вот и молодец, – ответил один из ментов. – Тогда попрошу сразу в машину!

Я оглянулся. Рассерженной фурии уже не было. Вместо нее стояла девушка, растерянно жующая персик. Ее взгляд блуждал по моему лицу, а губы свело в странной улыбке, словно она хотела сказать: ну ладно, хватит меня разыгрывать, это уже не смешно.

Я подошел к ней, встал почти вплотную и тихо сказал:

– Анна, меня обвиняют в убийстве Милосердовой. Той самой Эльвиры, накидку которой принесли с причала. Передай Леше, что меня взяли. Пусть что-нибудь придумает, если сможет.

Поняла она меня или же была настолько ошарашена резкой сменой ситуации, что смысл моих слов так и не дошел до нее, – не знаю. Сержант взял меня под руку. Я думал, что на меня сейчас наденут наручники, но милиционер лишь вежливо подвел меня к машине и поддержал под локоть, когда я садился через заднюю дверь в зарешеченный фургон.

«А чем Леша мне поможет?» – подумал я, когда дверца за мной захлопнулась, машина понеслась вперед и маленький домик, утонувший в зелени, вместе с застывшей фигуркой девушки стремительно удалился в прошлое.

Глава 13

Кто-то мне рассказывал, что нет ничего хуже женщины-следователя. Потому, когда я вошел в маленькую комнату, у меня невольно вырвалось какое-то нечленораздельное словцо, означающее крайнюю степень досады. За исцарапанным письменным столом сидела немолодая мадам в каком-то странном одеянии, напоминающем индийское сари или халабуду кришнаитов. Пальцы ее были украшены стальными перстнями, похожими на маленькие ручки от дверей шкафа, на запястьях подрагивали горошинами многочисленные браслеты, с шеи на грудь свисали гирлянды полированных лепестков и конусов из черного дерева. Следователь подняла на меня свои томные глаза, окруженные коричневыми тенями, слегка тряхнула головой, отчего ее длинные волосы, низвергающиеся до локтей с прямого пробора, колыхнулись волной.

– Садись! – не совсем вежливо сказала она, оттопырив указательный палец, указывающий на стул рядом со столом, прошлась долгим взглядом по моему лицу, майке с изображением символа ливерпульского яхт-клуба, осмотрела джинсы и произвела глубокий вздох. «Эта будет копать, как могильный червь, – подумал я и стал не вовремя вспоминать, что в подобной ситуации делают умные люди. – Кажется, отказываются давать какие-либо показания и подписывать бумаги без адвоката».

Следователь словно прочла мои мысли. Прикуривая длинную тонкую сигарету, кивнула на стопку листов опроса, лежащую на краю стола, и сказала:

– Бери лист и пиши все, что видел на Диком острове девятнадцатого и вчера в Морском. Коротко и по существу.

Я потянулся за бумагой.

– Видите ли, сначала я хотел бы кое-что объяснить.

– Никаких объяснений! – оборвала следователь. – Что делал, что видел. Больше мне ничего не надо. Комментарии и личные выводы оставь при себе.

– Вы на меня давите, – сказал я честно. – Мне нужен адвокат.

Следователь даже курить перестала и посмотрела на меня так, как учитель на первоклассника, утверждающего, что дважды два – пять.

– Чего? – протянула она и от умиления даже глаза закрыла. Кажется, этой заразе я понравился, и она кокетничала передо мной изо всех своих дамских сил. – Адвокат?.. О господи! Начитались всякой ерунды, умными стали. Не нужен тебе адвокат. Никто на тебя не давит. Пиши, что говорят, и не задавай вопросов.

Она снова тряхнула головой, пуская по волосам волну. Я взял ручку со стола и придвинул лист к себе. «Надо изложить факты так, – подумал я, глядя на белое поле, – чтобы обвинение в мой адрес по этой бумажке никак не складывалось».

Пока я трудился над сочинением, следователь курила и бесцеремонно разглядывала меня.

– На море живешь, а такой белый, – сказала она. Это был первый человек, который назвал меня белым. Должно быть, она до меня имела дело только с неграми.

– Это я побледнел от волнения, – ответил я, не поднимая головы.

– А с чего это ты такой волнительный? Меня, что ли, испугался? Так я не кусаюсь, можно сказать... Женат?

Я зачем-то соврал и кивнул.

– Дети?

– Четверо.

– Ух ты, какой активный! И все у вас тут, на море, такие активные?

– Большинство, – ответил я. – Наш район на первом месте по рождаемости на полуострове. Здесь у нас особый сорт винограда произрастает, «Конек-горбунок» называется, в просторечии – «Жеребец». Так от него и все дела.

Женщина шурилась, на коричневых губах играла усмешка. Ей нравился мой глупый юмор. Но это было мне во вред. Если следователю понравился подозреваемый – будет вести дело до тех пор, пока не надоест. Судебной практике такие случаи известны. Все это плохо кончается.

Я протянул исписанный лист женщине. Она взяла его и, отстранив подальше от глаз, стала читать. Лист, исписанный мелким почерком с двух сторон, она читала минут пять, что-то пометая карандашом в тексте, и неожиданно вернула его мне.

– Так не пойдет, – сказала она. – Ты съешь нос не в свои дела. Про деловой костюм, на котором якобы не было ни капли крови, не надо – это дело экспертизы уточнять, была кровь или нет. Затем накидка. К чему это? Ты уверен, что накидка принадлежала Милосердовой? Кто сказал, что ее нашли в твоей лодке? Да, начальнику лодочной станции показалось, что в твоей. Но в тот день лодками, в том числе и твоей, пользовалось полсотни отдыхающих. Любой из них мог нечаянно забыть накидку в лодке.

Я слушал следователя и не мог понять, куда она клонит. Выходило так, что она сама подсказывала мне алиби.

– Дальше, – продолжала она, глядя на мое сочинение, как редактор на текст заметки начинающего журналиста. – Ты пишешь про какое-то письмо. С чего ты взял, что кто-то намеревался тебя подставить? Почерк, похожий на твой? Ну и что? Да мало ли на свете почерков? Миллионы людей на земле пишут приблизительно так же, как и ты... Подписано именем Кирилл? А что, кроме тебя, такого красивого и неповторимого, больше нет Кириллов?

«Сюда бы Анну, чтобы послушала эту речь! – подумал я. – Блеск! Вот что значит профессионализм! А я, дурак, испугался того, что следователь – женщина».

– Про Караева тут ты вообще наворотил черт знает чего! – покачала головой следователь, стряхивая пепел на мой труд. – Ушел за вином, пришел с вином... Ты что, алкоголик? Зачем на полстраницы расписывать про твое вино и каких-то глупых продавщиц винного отдела? А убийца в маске? Это вообще шедевр детективного жанра! Милый мой, на курорте десятки людей с удовольствием занимаются оздоровительным бегом, и если каждого бегущего принимать за преступника, то какой же тогда беспредел начнется!

Что-то она начала гнуть не в ту сторону.

– Извините, – прервал я ее. – Но я же сам видел, как он перемахнул через забор. И на лице была маска!

– Куда он перемахнул? – усталым голосом спросила женщина. – К соседу? Так, может быть, это и был сосед, который воровал у Караева помидоры, а ты его застукал. Маска на лице? На нервной почве, хороший мой, обычную налобную повязку можно принять за маску.

– Хорошо, – сказал я, налегая грудью на стол. – Но ведь вы не станете отрицать, что Караева задушили проволокой?

– Задушили или он сам задушился? – уточнила следователь, как и я, склоняясь над столом. – А это, как говорят одесситы, две очень большие разницы. Ты не эксперт. Ты ограничился лишь беглым осмотром трупа и тут же сделал выводы. Так нельзя, сладкий ты мой! Каждое твое предположение, каждое слово нуждается в доказательстве! Караев повесился на лодочном стальном фале, привязанном к деревянному карнизу. Когда ты вернулся из магазина, карниз уже оборвался под тяжестью трупа и тело вместе с карнизом рухнуло на пол. А ты нафантазировал, что его убили, закрутили стальную проволоку на горле! Слышал, как из комнаты доносились какие-то звуки? А то, что это кошка могла прыгнуть на подоконник или на шкаф с посудой, ты не предполагаешь?

Она взяла опросный лист двумя руками и, с улыбкой глядя на меня, медленно порвала его на мелкие кусочки.

Со мной творилось что-то странное. Я испытывал огромное облегчение, словно тяжкая ноша свалилась с моих плеч. Но вместе с тем в душу закрадывалось подозрение, что меня, попросту говоря, надувают, нарочно подводят к выводу, что никакого убийства не было, что все это лишь родилось в моем воспаленном воображении.

– Значит, так, – сказала следователь волевым тоном. – Возьми чистый лист и пиши заново. И без всяких фантазий. Только то, в чем ты уверен, как говорится, на все сто, и коротко. Был на острове, видел под скалой на гальке пятно крови. Потом обнаружил труп Милосердовой в трюме яхты. Лодка пропала. Добрался до берега вплавь. Точка. Со следующего абзаца: посетил особняк, где скрывался капитан яхты «Ассоль» Караев...

– Скрывался? – удивился я.

– Ну, если не нравится это слово, то подыщи другое! – скривила губы следователь. – Напиши: «временно проживал». Обязательно про стол, заставленный бутылками, и про реакцию капитана, когда ты предложил ему поговорить о гибели Милосердовой. А потом про труп Караева, лежащий на полу со стальным фалом на шее... Все ясно, красавчик? Вперед!

– Подождите, – сказал я, массируя пальцами лоб, словно у меня началась мигрень. – Мне не ясно одно: к чему вы меня подводите? К какому выводу?

– Делать выводы, лапочка, это наша работа. От тебя же, как от свидетеля, требуются только четкие и вразумительные факты.

– Так я, значит, свидетель?

– Точно так, дорогой.

– Разве свидетелей привозят в милицию силой?

– За этот сервис благодари своего приятеля – фамилии не помню, рыженький такой лейтенант. Это он попросил доставить тебя со всеми удобствами, чтобы ты по жаре в автобусе не трясся.

– Понятно, – задумчиво произнес я. – Кое-что понятно... Значит, в убийстве Милосердовой вы подозреваете Караева?

Следователь мило рассмеялась.

– Ну что ты, родненький! Милосердову скорее всего никто не убивал. Следствие приходит к выводу, что это несчастный случай. Дамочка поднялась в туфельках на скалу, чтобы полюбоваться морем, не удержалась и свалилась вниз. Караев, который был с ней в тот день, перетащил ее на яхту, а потом почему-то решил, что его наверняка обвинят в убийстве, сел на весельную лодку, отплыл от острова подальше, затем, чтобы запутать следствие, прыгнул в воду и добрался до берега уже вплавь. Может быть, он до сегодняшнего дня тихо лакал бы портвейн на даче своего хозяина, но ты смертельно напугал его своим приходом и расспросами о Милосердовой. Когда ты пошел в магазин, он наверняка решил, что ты вернешься с нарядом милиции, и не придумал ничего более лучшего, чем повеситься... Вот так-то выглядит сермяжная правда жизни, котик. Поверь мне, опытной во всех делах женщине: частный сыск – не для тебя. В самом деле, занимайся лучше ловлей крабов. Или любовью. Это намного приятнее, чем придумывать убийц и самому же их разыскивать.

– Так, наверное, я и сделаю, – ответил я.

– Вот и умница, – кивнула женщина, опуская выпачканный в помаде окурочек в глубокую пепельницу. – Можешь за мои добрые советы угостить меня шампанским. Но только вечером! На службе я не употребляю.

Она внимательно прочитала второй вариант моих показаний, кивнула, спрятала лист в папку.

– Теперь все правильно. И у тебя душа будет спокойна, что не написал глупостей, за которые потом можно долго расплачиваться, и следствие не уведешь в другую сторону... Давай повестку, я распишусь.

– У меня нет никакой повестки.

– Ах да! – вспомнила женщина. – Тебя же доставили сюда с почестями. Тогда можешь быть свободен. И насчет шампанского не забудь!

Она вытянула свои коричневые губы в трубочку, поцеловала воздух. Пот градом катился с меня, когда я вышел из кабинета в коридор. Спустился по лестнице на первый этаж. Дежурный за стеклом лишь на мгновение поднял голову и опустил ее снова. Я здесь уже никому не был нужен.

Ноги несли меня к выходу, но перед самой дверью я остановился и повернулся к дежурному.

– Послушайте! – сказал я. – Как мне найти лейтенанта Кныша?

Дежурный молча поднял трубку, сдвинул какой-то тумблер на пульте и сказал:

– Володя! Тут тобой интересуются. – Дежурный поднял глаза. – Как ваша фамилия?

– Вацура.

– Мацура, – ответил дежурный в трубку и снова мне: – Сейчас выйдет.

Кныш появился в вестибюле через минуту, увидел меня и, как показалось, неестественно улыбнулся.

– Привет, привет! Отстрелялся уже? Ну вот видишь, как все хорошо кончается!

Дежурный, глядя на нас, стал улыбаться. Я пожал Кнышу руку и потянул его к выходу. Кныш незаметно упирался. Ему было легче разговаривать со мной при свидетеле, чем один на один.

– Я прошу тебя, давай выйдем, – сказал я настойчиво.

Кныш поморщился и посмотрел на часы.

– Старичок, у меня работы сейчас – выше головы!

– Только на минуту! – настаивал я.

Он вздохнул, будто делал мне огромное одолжение. Мне не нравилось, что он так себя вел. Мы вышли на улицу и встали в тени дерева.

– Ну что ты хочешь мне сказать? – спросил Кныш.

– Володя, объясни мне, что случилось?

Кныш кряхтел, смотрел по сторонам, бил ребром ладони по стволу дерева.

– Но могут же быть в моей работе тайны! – вспыхнул он. – Не все же рассказывать кому попало!

– Я не кто попало, – жестко ответил я и сжал его локоть. – И ты об этом прекрасно знаешь. Я хочу знать правду.

– Ну какую, какую правду? Ну что тебе не ясно? – быстро заговорил он. – Следствие пришло к выводу, что смерть Милосердовой наступила в результате несчастного случая, а Караев повесился в состоянии депрессии – он был уверен, что его обвинят в убийстве женщины.

– Володя, я только что слышал эту чушь от следователя. Неужели ты и в самом деле веришь этому?

Кныш промолчал. Покусывая губы, он смотрел на толпящихся на автобусной остановке людей.

– Давай об этом поговорим вечером, – наконец сказал он.

– Нет, сейчас! Вечером я буду трахать твою следовательшу и слушать ее байки про то, как повесился Караев.

– Ну что ты ко мне пристал? – дернул рукой Кныш. – Ты понимаешь, что тебе повезло так, как ты даже мечтать не мог? Да с таким набором улик сидел бы ты сейчас на нарах, и оч-ч-чень долго бы сидел! Радуйся свободе и трахайся с кем хочешь!

– Ты же честный парень, Володя, – сказал я упавшим голосом. – Ты помнишь, как мы с тобой Джо брали? А как красиво раскрутили дело о шантаже проституток? Мы с тобой никого не боялись и служили только справедливости...

– Ну хватит витийствовать! – перебил меня Кныш. – Слезы вышибаешь своим красноречием.

Он сунул в рот спичку и стал с остервенением ее грызть. Не глядя мне в глаза, тихо сказал:

– Тут, бля, такое дело началось... Коммерческий директор «Милосердия», которого мы посадили, объявил через своего адвоката, что если его не выпустят из-под стражи, то он на суде сообщит совершенно потрясающие факты о вкладчиках «Милосердия»... Там, по его словам, замешаны очень высокие чины – и политики, и военные, и милиция. Оказывается, там прокручивали зарплату учителей, врачей и других бюджетников, а прибыль переводили в недвижимость за границей.

– Может быть, это всего лишь блеф?

– Он передал своему адвокату какие-то особые списки вкладчиков. Там такие фамилии, старичок, – за голову схватишься.

– Ну и что? Мою фамилию в эти списки тоже внесли, но это вовсе не значит, что я вкладывал бабки и покупал недвижимость за границей.

Кныш поморщился и искоса глянул на меня.

– Да кто ты такой! О тебе сразу забыли, когда целая команда «бугров» всплыла. А вслед за этим – короткое распоряжение из генпрокуратуры: дело Милосердовой закрыть за отсутствием состава преступления, всех подозреваемых из-под стражи освободить. Прислали к нам эту любвеобильную даму в занавеске, которая как будто провела следствие повторно. Так что можешь поблагодарить бога за такое везение.

Я кивнул, сделал шаг в сторону.

– Хорошо, я так и сделаю. Только вот о чем я хочу тебя предупредить. Вы закрыли дело. А я – нет.

– Сумасшедший, – очень спокойно и уверенно ответил Кныш, повернулся ко мне спиной и пошел к себе.

Глава 14

Не успел я пройти и двадцати метров, как меня едва не сбил с ног Леша.

– Кирилл! – закричал он и так крепко стиснул в объятиях, что у меня свело дыхание. – Тебя выпустили? Дал подписку о невыезде? Я же предупреждал тебя, чтобы ты ничего не рассказывал своему менту!

Я брел по улице словно в тумане, думая над тем, что мне говорили следователь и Кныш, и не сразу воспринял Лешу вместе с его эмоциональным порывом.

– Да-да, – кивал я. – Все в порядке. Меня отпустили. Теперь домой. Да здравствует свобода! Откуда ты узнал, что меня взяли?

Я совсем забыл, что сам просил Анну сказать об этом Леше. Мне надо было сообщить ему еще очень много, так много, что я не знал, с чего начать. В голову не пришло более оригинальной идеи, чем свернуть в ближайший магазин, взять бутылку массандровского хереса и спуститься в открытое кафе при ресторане «Парус», куда мы с Лешей поставляли крабов.

– Мне кажется, что это было несколько лет назад, – сказал Леша, откинувшись на спинку стула и глядя на море.

– Что – это? – спросил я, разливая вино по стаканам.

– Подводная охота, наши с тобой вечерние встречи в этом месте и традиционные двести граммов. – Он вздохнул. – Надо же, как жизнь круто повернулась!

Я посмотрел на него. Человек искренне тосковал по недавнему времени, когда со мной были связаны лишь самые приятные впечатления. Теперь вместе со мной на него навалились мрачные и опасные дела, и отпускная эйфория сразу кончилась. Я был уверен, что он немного жалел о том, что связался со мной. «Сейчас я тебе еще про деда расскажу, – подумал я злорадно, вспомнив, как Леша обнимал Анну, – и у тебя сразу пропадет охота крутить любовь с моей подружкой».

Мы соединили стаканы. Я пожелал Леше вернуться домой после отдыха в наших краях с крепкими нервами, а он мне – вечной свободы и любви. Через несколько минут, когда я рассказал ему про убийство Караева и чудесное прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления, он уже не думал о любви и судорожным движением налил себе второй стакан, и горлышко бутылки позвякивало о край стакана.

– Кирилл, – изменившимся голосом сказал он, вытерев следы вина с губ, – тут идет игра по-крупному. Я даже предположить такого не мог. Даже подумать... Коррупцированные слуги народа сделали ход конем! И нашим, и вашим. Состав преступления отсутствует! Превосходно! Замечательно!

– Что замечательно, Леша?

– То, что тебя отпустили, – ответил он, думая о чем-то другом. – Боже, боже! – прошептал он, поднимая лицо вверх. – Кто мог подумать! Какие ловкачи! А этот тип – коммерческий директор – молоток, да? Голыми руками не возьмешь. Его попытались прижать, а он острые зубки показал.

Он был так возбужден, что вскочил со стула и принялся ходить вокруг стола, глядя под ноги, словно отыскивал упавшую мелочь, а потом вприпрыжку побежал к палатке, торгующей вином. Я подумал о том, что сегодня, видимо, придется напиться до бесчувствия.

Леша вел себя странно. Он так радовался моему освобождению, словно я был его родным братом.

– Имей в виду, Кирилл, – сказал он, вскрывая вторую бутылку. – Ты – свидетель. Ты знаешь то, что не должен знать никто. Эти люди, которые закрыли следствие, раздавят тебя, как мотылька, если ты не уйдешь в глубокое подполье... Давай, за удачу!.. Так вот, я снова

предлагаю тебе на время уехать отсюда куда-нибудь подальше. Рвани на месяц в горы, скажем, на Кавказ. Или, если хочешь, я сделаю тебе путевку в наш профилакторий в Подмосковье. Отдохнешь, забудешь обо всем этом кошмаре, походишь по лесу. Ты когда в последний раз видел березки, морской волк?

Меня развезло. После нервного напряжения расслабуха сама по себе действовала как алкоголь. Два стакана хереса вообще затуманили мое сознание. Я кивал Леше в ответ, как китайский болванчик, и никак не мог стереть с лица глупую полуулыбку.

– Я никак не пойму, куда ты все время хочешь меня выслать?

– Как куда? Как куда? – горячо шептал мне на ухо Леша, положив мне на плечо свою тяжелую руку. – На воре шапка горит, неужели ты этого не знаешь? Милиция закрыла дело? Закрыла. Состав преступления нет? Нет. Значит, не может быть и свидетелей преступления. Ты понял или нет, чудик?

– Да понял, понял, не толкай, а то стол опрокинешь.

– Это верно, стол опрокидывать нельзя. Мы еще не все допили... Ну что, вздрогнем?

Мы снова «вздрогнули». Я смотрел на блюде, наполовину наполненное серой солью с табачными крошками, и все никак не мог придумать первую фразу, в которой хотел сообщить Леше о своем решении. Наконец я родил:

– Ты вот что... Имей в виду: никуда я отсюда уезжать не собираюсь. Мало того, я доведу это дело до конца.

– Какое дело? – не понял Леша.

– Это, – уточнил я. – Милиция закрыла, а я снова открою.

Леша, разливая, ходил вокруг стола, а после моих слов поставил бутылку и начал сползать на стул.

– Ты что, серьезно?

– Серьезней не бывает.

– Но зачем тебе это надо?

– Меня обидели. А я не люблю, когда меня обижают и принимают за дурачка.

Леша придвинул к себе солонку и стал зачем-то слюнявить кончик пальца, макать его в соль и класть кристаллики на язык.

– Тебя же сразу убьют! – вырвалось у него.

– А я буду защищаться.

– Но это не то дело, за которое можно браться в одиночку. Ты не потянешь. У тебя просто не хватит сил и жизни.

– Одиночество иногда становится преимуществом. Кто обратит внимание на бедного ловца крабов?

– Я не понимаю, что привлекает тебя в этом деле?

– Огромные деньги, Леша. Такие деньги невозможно проесть, купить на них машину или дом. Такая сумма становится не просто платежным средством, а мощным механизмом. И этот механизм сейчас что-то где-то крутит, что-то создает или ломает. Милосердову, а затем и старика убили для того, чтобы обрубить нити, которые могут вывести следствие на эти деньги. Я фанат, можешь считать, что я болен, но с этого момента я не смогу нормально спать, есть, отдыхать, ловить крабов, пока не докопаюсь до истины.

– Ты хочешь найти убийцу Милосердовой?

– Это всего лишь первый шаг. Я хочу узнать, кто относится к людям как к баранам и время от времени их стрижет, гонит с одного края поля на другое и сжирает...

– Ты высоко берешь, Кирилл.

– А сейчас преступления такие. Убили человека – а мы смотрим лишь на наконечник копья, пронзивший жертву. А чтобы разглядеть рукоятку, за которую убийца держался, надо не только голову вверх задрать, надо до самых облаков подняться.

Леша помрачнел, оставил свой стакан и допивать не стал. Наверное, ему стало меня жалко. Я обнял его, похлопал по плечу.

– Ну ладно, ладно, – сказал я. – Ты рано меня хоронишь. Мы с тобой еще половим крабов.

– Как же, половишь с тобой, – вздохнул Леша.

– А для начала можешь потренироваться на преступниках. Собственно, это тот же процесс: плывешь, смотришь, затем ныряешь, подкрадываешься, хватаешь – так, чтобы он не успел нанести ответный удар... Ну как, присоединяешься?

Леша с обреченным видом пожал плечами.

– А что мне еще остается делать? Не могу же я тебя бросить!

– А Анну ради меня бросишь?

Леша нахмурил свои белесые брови. На лбу легли морщины. Он не ожидал такого резкого перехода с одной темы на другую. Мне показалось, что он сейчас ответит мне грубостью. Черт его знает, насколько серьезно относится он к Анне! Но Леша вздохнул и ответил:

– К сожалению, уже не смогу.

– Почему «уже»?

– Потому что она меня самого бросила.

– То есть? – спросил я, чувствуя, как сердце вдруг радостно забилось в груди, хотя, собственно, радоваться было пока нечему.

– Пришла ко мне, сказала, что тебя увезли в милицейской машине. А я как раз вздремнуть собирался, но какой тут сон! Я вскочил, рубашку на ходу напялил и ей говорю: идем, мол, вдвоем в милицию, выясним, что произошло. А она глаза опустила, плечом дернула, поправила ляжку от сумки и говорит: «Никуда я не пойду. Я вас обоих видеть больше не могу. Прощай!» – или что-то в этом роде. Повернулась и пошла на остановку.

– Ты думаешь, что она уехала?

– Я уверен в этом. По пути в милицию я пробежал по Рыбачьей, заглянул в ее дворик и спросил у хозяйки, где Анна. Рассчиталась и уехала – отвечает.

– А, черт! – крикнул я и ударил кулаком по столу.

Леша стушевался. Чувствуя себя в чем-то виноватым, он осторожно положил мне ладонь на плечо.

– Послушай, Кирилл, я ведь не знал, что у вас... ну, что вы с ней... Ты ж мне говорил, что вы свободные люди.

– Говорил, говорил, – передразнил я его. – Да что ты понимаешь в свободе! Когда она ушла?

– Часа два назад.

Я посмотрел на часы. За эти два часа от станции ушли на Симферополь три автобуса. Московский поезд – около пяти вечера. Я не успею, даже если помчусь на симферопольский вокзал на такси.

– Ну вот, – произнес я таким голосом, словно мне оставалось жить минут пять. – Потерял хорошую бабу. И все по глупости. Надо было спокойно все объяснить, а я в бутылку полез, стал гордость свою демонстрировать.

– Не расстраивайся, – утешал меня Леша. – Вернется. Если любит, то вернется.

– Если любит! Ты еще сомневаешься? Да таких баб, как Анна, на свете единицы! Она всю себя до капли, до дна, до порожнего звона отдавала мне! Эхма! Не ценил я ее, Леша, не ценил. Вот за это и наказан... Ну, наливай, наливай, чего уставился на бутылку, как на краба. Хватай ее за крутые бока, переворачивай вниз головой и выжимай, выжимай до последней капли, до порожнего звона!..

Я был прав – напились мы в тот вечер до свинского состояния и едва дотащились до моей дачи. Леша всю дорогу клялся мне в вечной дружбе и обещал умереть на моих руках от

бандитской пули. Потом он, не раздеваясь, уснул во дворе на раскладушке, а ко мне сон долго не приходил, и я, прислушиваясь к раскатистому храпу друга, все думал и думал об Анне.
Потерял я человека. Потерял.

Глава 15

Какие дурные и дикие глаза у мужика, который только что проснулся с тяжелого похмелья! Леша смотрел на раскачивающуюся перед его носом маленькую замшевую сумочку с таким видом, словно на его лицо опускался на крохотном парашюте зеленый чертенок.

– Что это?! – хрипло выкрикнул он, приподнимаясь и отталкивая мою руку с сумочкой от себя.

– Это «фенечка», Леша.

– Убери ее на фиг!

Он навалился всем своим весом на передний край раскладушки, отчего та перевернулась и сложилась посредине. Леша свалился на землю.

– Сон плохой, – сказал он, поднимаясь. – А тут еще ты перед мордой какой-то хренотенью размахиваешь, как поп кадиллом... Послушай, а какого черта мы с тобой вчера нажрались?

Он все еще косился на «фенечку», которая покачивалась в моей руке на кожаном шнурке. Его рыжие волосы стояли дыбом, и оттого он выглядел довольно комично.

– Мы с тобой отмечали наш союз, – напомнил я.

– Ну да, союз меча и орала... Так где ты эту хренотень взял?

– А как ты думаешь?

Он пожал плечами и стал почесывать грудь.

– Не знаю.

– Я нашел ее на Диком острове девятнадцатого числа. Она лежала на камнях как раз напротив яхты.

Леша протянул руку, взял у меня «фенечку» и стал рассматривать ее.

– Пустая.

– Как ты думаешь, – спросил я, – могла эта вещица принадлежать Милосердовой?

Леша развел руками.

– А почему бы и нет?

– Ты серьезно считаешь, что банкирша носила ее на шее поверх делового костюма?

– У богатых свои причуды.

– Нет, – покачал я головой. – Я допускаю причуды, но не в отношении одежды и имиджа. Никакая уважающая себя женщина не позволит себе смешивать стили.

– Значит, эту штуковину забыли туристы.

– Минимум три недели на острове не было туристов, – отпарировал я.

– А может быть, ее забыли месяц назад.

– За месяц от соленых брызг и палящего солнца она превратилась бы в труху.

– Кто же, по-твоему, оставил ее на острове? – спросил Леша с нотками раздражения в голосе. Он, должно быть, почувствовал, что стал невольно напоминать доктора Ватсона, который ровным счетом ничего не понимает и отличается от Холмса чрезвычайной недогадливостью.

– А оставила ее некая молодая особа, одетая в шорты и маечку на бретельках.

Леша переминался с ноги на ногу. По-моему, он давно хотел в туалет.

– погоди! – сказал он и исчез в дверях домика.

Выстраивая логическую цепочку, я бродил по двору из угла в угол. Что мы имеем? Убитую Милосердову. Девушку в шортах с «фенечкой» на шее. Убийцу Караева – человека в маске. Вот пока и все.

Я потянулся рукой к тяжелой ветке персика и стал машинально рвать листья. Леша вышел во двор уже умытым и причесанным. На его ресницах, как роса на траве, блестели капли.

– погоди! – снова сказал он, поднимая ладонь вверх. – Я не успеваю за ходом твоих мыслей. Откуда ты взял девушку в шортах?

– Ее видел Караев. Она вошла на яхту на мысе Ай-Фока.

– Вот как? Значит, Милосердова была не единственной дамой на яхте?

– Выходит, так.

– Но не одни же они поплыли на остров?

– Я тоже думаю, что яхтой управлял мужчина.

– Выходит, что либо он, либо девушка в шортах убили Милосердову. А мотивы?

– С мотивами сложнее.

– Но что, по-твоему, могло связывать их троих? Случайное знакомство? Общий бизнес? Или, быть может, любовь?

– И это нельзя исключать. Когда мы узнаем о том, что связывало этих людей, то выясним и мотивы убийства... Ты ни разу не встречал в нашем продуктовом магазине парочку хиппи? Они почти каждое утро приходят за продуктами.

– Что-то не припомню, – ответил Леша.

– Длинноволосый парень со шнурком на лбу и подружка его – худая и бледная, как моль, в какой-то мексиканской тряпке вместо майки. Не видел? Ну, неважно. Они стоят лагерем где-то недалеко от нас.

– Ты хочешь разыскать хозяйку этой «фенечки»? Бесплезная трата времени. Я уверен, что ее давно нет на побережье.

– Хоть бы за что-то ухватиться, Леша. Знакомые, друзья, адреса, телефоны – хоть что-нибудь!

Лицо Леша поскучнело. Ему не хотелось шататься в жару по пляжам. Он еще не отошел от вчерашнего и мечтал о холодном пиве.

Мы вместе дошли до магазина. Леша купил пять бутылок пива и поплелся к себе «лечиться», а я сел на скамейке недалеко от входа и стал ждать парочку хиппи.

* * *

Когда от жары у меня стали плавиться мозги, к магазину, шаркая шлепанцами, подошли длиноволосый парень с девушкой. Я подождал, пока они купят продуктов и снова выйдут на улицу, и встал на их пути, показывая «фенечку». Парень, должно быть, решил, что я предлагаю им купить сумочку, и отрицательно покачал головой:

– Спасибо, у нас такие есть.

– Вы меня не поняли. Я хотел спросить, не знаете ли вы, кто потерял эту штуковину?

Девушка проявила любопытство и, близоруко щурясь, взяла «фенечку» с моей ладони и недолго рассматривала ее.

– Нет, – сказала она, пожимая плечами. – Это не моя. А где вы ее нашли?

Я махнул рукой куда-то в сторону.

– Там. Это наверняка кто-то из ваших подруг потерял.

Парня «фенечка» не интересовала. Он, наверное, ревновал свою подругу, незаметно злился на нее и тянул за руку, но девушке не хватало общения, она одичала на диком пляже в среде своих флегматичных единомышленников и была не прочь поговорить со мной.

– Может, кто-то из наших, – согласилась она. – Надо спрашивать. А денег в ней не было?

– Ни купончика, – сказал я. – Честное слово.

– Ну, это очень даже может быть, – улыбнулась девушка. – Кто с деньгами, тот не с нами. Давайте ее нам, я покажу девчонкам.

– А можно, я сам покажу?

– Кира, нас ждут, – сдержанно напомнил длинноволосый.

– Ну что вы такой нетерпеливый? – обратился я к парню. – Дайте же полюбоваться вашей Кирой!

Кира развеселилась. Ее лицо, лишенное какой бы то ни было косметики, выглядело намного симпатичнее, чем безэмоциональная маска ее ревнивого приятеля, который даже ревновал вяло и лениво.

– Ну так что, Кира? – улыбнулся я. – Как мне проникнуть в вашу общину?

– А чего в нее проникать? – пожала плечами Кира. – Идите по берегу в сторону Нового Света. Под обсерваторией – знаете, где это? – нас и найдете.

Длинноволосый, стремительно теряя влияние на свою подругу, демонстративно отошел в сторону и закурил. Я не мог оторваться от глаз Киры. Ее зрачки беспокойно бегали, словно она следила за игрой в пинг-понг сразу на нескольких столах, и в этом было что-то притягательное. «Болтушка, – подумал я о ней, – которая умирает от тоски в компании хиппи. Она мне поможет. Надо только заинтриговать ее, прикинуться влюбленным романтиком».

– Темно было, – пояснил я, прижимая «фенечку» к сердцу. – Помню, что у нее были распущены волосы – ну, точь-в-точь как у вас, – джинсовые шортики и маечка на тонких бретельках. У нас была безумная ночь!.. А утром она ушла.

– Как же так! – Кира уже начала остро переживать. – Что ж, вы даже ее имени не знаете? Я отрицательно покачал головой.

– Мы называли друг друга ласковыми именами: я ее – Чайкой. А она меня – Айвенго. Кира умирала от зависти. Длинноволосый, наверное, никогда не называл ее Чайкой.

– И даже не договорились о новой встрече?! – воскликнула она. – Ну как же?

– Она оставила на память о себе только вот это, – ответил я, глядя на «фенечку» и смахивая виртуальную слезу.

– Татьяна это сумочка, – вдруг подал голос длинноволосый, выдувая дым на кончик сигареты, словно пытаясь ее затушить.

– Какой Татьяны? – Кира обернулась к нему.

– Из Кемерова.

– Я не знаю такой, – пожала Кира плечами, не скрывая досады. Как же! Любовные страсти полыхают где-то рядом с ней, а она ничего не знает!

– У них тент на камнях стоял, под ним они вповалку спали. Это правее нас, на самом краю пляжа, – сказал длинноволосый.

– Это где наркоши тусовались? – упавшим голосом спросила Кира.

– Именно там.

– Постой! – Я сразу забыл о Кире и подошел к ее приятелю. – А с чего ты взял, что это сумочка Татьяны?

– Запомнил, – усмехнулся парень. – Такие сумочки мы сами шьем. Штучная работа. Двух одинаковых не бывает. Видишь, узелок у основания каждой нити? Вот я ее по этой примете и запомнил.

– Ты говоришь: тент правее вас. Это как же его найти?

Длинноволосый был заинтересован в том, чтобы я быстрее отклеился от Киры, и охотно объяснил:

– До обсерватории дойдешь, и от нее – еще метров сто к Новому Свету. Там такой синий драный тент должен стоять. В том месте и ищи свою Таню.

– А почему Кира говорит, что там наркоши тусуются?

– Сходи и узнай. Чего ты меня пытаешь?

Я повернулся к Кире. Она потеряла ко мне интерес и была разочарована и оскорблена в лучших чувствах. Таинственная незнакомка, объект моей ночной страсти, на деле оказалась наркоманкой, живущей на отшибе лагеря хиппарей.

Я скомкал в кулаке «фенечку». Удача почти невероятная! В день убийства Милосердовой с мыса Ай-Фока на яхту поднялась, а затем вышла на берег Дикого острова некая наркоманка Татьяна из Кемерова. Я почти реально почувствовал тепло от приближения к разгадке, как бывало в детстве, когда ходил с завязанными глазами по комнате, натываясь на стены, двери и мебель, а друзья хором кричали: «Холодно! Теплее! Горячо!!» И тогда я тоже ощущал тепло, идущее от спрятанного предмета.

– Ну что ж, – произнес я, глядя на прыщавое лицо длинноволосого с подбородком, обросшим белым пухом. – Вы мне очень помогли... Шампанского хотите?

– Мы не пьем, – поторопился отказаться парень, хотя Кира, услышав про шампанское, снова забегала глазками. «Баба с возу, – подумал я, кланяясь юным нигилистам на прощание, – кобыле легче». И поспешил на лодочную станцию.

Глава 16

Дима Моргун сидел под пляжным желтым зонтом, украшенным рекламой сигарет, глубоко увязнув в шезлонге. Белые шорты оттеняли его застарелый загар, а золотой крестик на тонкой цепочке, застрявший в ложбинке между вздутыми грудными мышцами, подчеркивал его крепкий торс. Его внешний вид прекрасно соответствовал должности начальника лодочной станции в разгар сезона. На носу Димы сидели черные непроницаемые очки, и я не мог сразу понять, дремлет он или же внимательно следит за «бананом», оседланным визжащими человечками, которые заплатили деньги, чтобы слегка прикоснуться к риску. Кому бы мне заплатить, чтобы дали отдохнуть от риска хотя бы неделю?

– А, это ты? – сонным голосом сказал Моргун, когда я нырнул в тень зонта, и вместе с рукой протянул мне металлическую баночку пепси-колы. – Какие проблемы?

– Раньше ты мне предлагал прокатиться на «Ямахе», – ответил я, с щелчком вскрывая банку и выпуская на свободу темную пену.

– Нет проблем! Сейчас Сережа «банан» пригонит – бери «Ямаху» и катайся.

– А что, свободных уже нет?

– Разобрали, – односложно ответил Дима, щелкая золоченой зажигалкой и прикуривая сигарету. – Ты как? В какую сторону погонишь?

Я махнул в сторону Нового Света. Моргун кивнул. Сегодня он был на редкость немногословен. Наверняка ему было интересно узнать, как я справился с «задачкой для первокурсника»: нашел ли хозяина «Ассоли». Но могло быть, что он уже знал о моем звонке в Москву и разговоре с Артуром Пиковым.

– Где сейчас «Ассоль»? – спросил я, уверенный в том, что Дима в ответ лишь сузит свои кошачьи глаза. Но он почему-то ответил:

– В порту приписки. Где же ей еще быть?

Он подчеркнуто отвернул лицо и уставился на море. Под зонтом клубился табачный дым, словно зонт начал тлеть от солнечных лучей. «Хоть бы о чем-нибудь спросил, – подумал я. – Отсутствие любопытства, – бесспорно, положительное качество. Но иногда оно становится пороком. Спрашивая о чем-либо, человек как бы дает гарантию, что сам ответит на встречный вопрос. Моргун мог бы рассказать мне много интересного».

Мы молчали. «Ямаха» выла на высокой ноте, таская «банан» по волнам. Как раз напротив нас она развернулась и понеслась к берегу. Тонкая струя воды, бьющая из двигателя фонтаном вверх, напоминала антенну для радиосвязи. Встречный поток воздуха сгибал ее и дробил на брызги. Пассажиры, мокрые с ног до головы, почувствовали близость спасительного берега и осмелели. Некоторые из них принялись подсакивать на резиновой спине «банана», да так резво, что снаряд перевернулся, сбросив с себя, словно дикий мустанг, всех пассажиров; ударившись о волну, он подлетел в воздух и упал на воду брюхом кверху. Сережа продолжал гнать, но, услышав визг и крики за своей спиной, резко заглушил двигатель, и «Ямаха», сделав эффектный вираж у самого берега, толкнула на песок волну и замерла. Парень, поглаживая себя по налившим на тело черным трусам, достоящим едва ли не до колен, спрыгнул в воду, вышел на песок, после чего обернулся, чертыхнулся и сплюнул.

– Это не катание, – сказал он Диме, старательно показывая, как он устал от баловства отдыхающих, хотя в его глазах совсем нетрудно было распознать юношеский восторг, счастье и легкую зависть к тем, кто сейчас барахтался в воде. – Четыре раза переворачивались!

– Дай ему ключи, – сказал Дима, кивая на меня. – Пусть покатается.

– Так... – произнес Сережа, не совсем решительно протягивая мне ключи от «Ямахи», снабженные веревкой. – Может, подождем, пока...

– Нет! – оборвал его Дима. – Дай ключи, пусть катается! – жестче повторил он.

Сережа пожал плечами, протянул мне розовый шнурок и стал снимать с себя пробковый спасжилет. Он, как и я, чего-то не понял. Я взял ключи, свернул шнурок петлей и затянул на запястье. Если на какой-нибудь своенравной волне меня выкинет из седла, то «Ямаха» тотчас остановится – из гнезда выскочит ключ, привязанный к моей руке, и двигатель заглохнет.

Я не стал раздеваться и надел жилет на майку. Сережа отвязал веревочный фал от «Ямахи» и затащил «банан» на берег. Несколько любителей острых ощущений, сидящих на песке в ожидании своей очереди, стали вполголоса возмущаться. Дима Моргун как ни в чем не бывало опустил руку под шезлонг и достал оттуда очередную банку пепси-колы. Из-за меня он терпел убытки, но удивительно спокойно переносил это испытание. Я не знал, чем можно было объяснить его жертвенность.

– Готов? – спросил он, отпивая из банки. – Будь внимателен, на скорости близко к берегу не подходи, – проинструктировал он меня.

– Бензина достаточно?

– Тебе хватит. Валяй!

Я оседлал мотоцикл, сунул ключ в гнездо, сдвинул до щелчка тумблер запуска и резко повернул рукоятку газа. «Ямаха» рванула с места, словно была живой и я огрел ее плечью. Скорость нарастала стремительно. От упругого ветра, ударившего мне в лицо, незамедлительно выступили слезы. Несущиеся мне навстречу волны потеряли четкое очертание, словно я смотрел на них сквозь запотевшее стекло маски для подводного плавания. Но я не сбросил скорость. Ощущение полета над водой действовало как наркотик, пьянило, притупляло чувство страха. Справа от меня мелькнул черный угол пирса, я выскочил на простор и плавно повернул руль вправо, едва ли не касаясь локтем поверхности воды. Из-под днища «Ямахи» с шипением вырвался водяной веер, закрывший от меня горизонт полупрозрачной шторой.

Теперь я мчался под углом к волнам, и каждая норовила положить «Ямаху» на бок. Машина взлетала в воздух, как на трамплине. Я привстал, амортизируя ногами. Так легче было удержаться на взбесившемся мотоцикле. Справа от меня бежали скалы и пляжи, сменяя друг друга. Крепостная гора, пляж львовских железнодорожников, гора Болван, пляж ВМФ... Какой-то мореплаватель, лежа на надувном матрасе и шлепая ногами по воде, заплыл далеко за буйки и оказался на моем пути. Услышав рев «Ямахи», начал активно работать руками, словно загребал халявные деньги. Он уходил с моего пути, но я принял немного в сторону, и моя машина снова понеслась прямо на него. Мореплаватель оцепенел от ужаса, прекратил трепыхаться и от отчаяния съехал в воду, изо всех сил сигнала мне руками. Я проскочил в метре от него, швырнув в него вспененную струю, напомним тем самым о правилах поведения на воде.

Скала Черепаха, дикий пляж, обсерватория... Я приближался к лагерю хиппи, из-за мыса уже виднелись разноцветные палатки, раскиданные среди камней словно рассыпавшиеся бусинки. Я сделал глубокий вираж в открытое море, чтобы затем по большой дуге подойти перпендикулярно к берегу и не задеть днищем подводных камней.

Морская гладь, насколько хватало глаз, была чистой и ровной, и я не стал сбрасывать скорость. До холодка в груди выжимая из машины крутой вираж, выровнял «Ямаху» и плавно лег на правый борт, поднимая в воздух мириады брызг. И только сейчас краем глаза заметил быстро движущийся мне наперерез предмет.

Человеческий мозг способен просчитывать траектории движения двух и более предметов не хуже ЭВМ. Мне не нужно было проводить долгие расчеты, чтобы понять: через несколько секунд неизбежно столкновение – серебристый водный мотоцикл, каким-то чудом оказавшийся здесь, пересекал мою траекторию в той же точке, к которой я летел со скоростью сто километров в час.

Я рванул рукоятку газа на себя до боли в запястье, одновременно с этим делая вираж на левый борт. Элементарное правило для всякого водного судна – при угрозе столкновения отворачивать в противоположную сторону – водитель серебристой «Ямахи» не выполнил. Он продолжал гнать прежним курсом, сокращая расстояние между нашими машинами с каждой секундой.

– Идиот! – закричал я, хотя мой голос безнадежно утонул в реве моторов. Моя машина уже снизила скорость, и теперь ее медленное движение вперед превращалось в добровольное самоубийство. Я понял, что водитель серебристой «Ямахи» либо пьян, либо психически ненормален и не способен контролировать свои действия. Я должен был сам спасти себя.

Что нужно предпринять, я понял намного раньше, чем смог это сделать, и врубил форсаж, как мне показалось, в то мгновение, когда нас разделяло не больше трех шагов. Мотоцикл, взвывая мотором, приподнял над водой свой сверкающий пластиковый передок и буквально прыгнул вперед, как лягушка из-под колеса трактора. Я до боли в пальцах сжал руль и не мог ослабить хватку до тех пор, пока не пролетел над волнами метров сто, и только тогда сбавил скорость и оглянулся, чтобы рассмотреть «идиота» на серебристой «Ямахе».

К моему удивлению, «идиот» на «Ямахе», сделав вираж, начал преследовать меня. Его машина подвывала метрах в двухстах позади, распыляя вокруг многоцветную радугу. Я на малом ходу развернулся лицом к берегу. «Идиот» летел на меня, широко расставив локти в стороны. На его голове развевались концы черного платка, закрывающего лоб; под платком поблескивали большие зеркальные очки; нижняя часть лица тоже была закрыта платком. Это был какой-то ниндзя в плавках, придурок, камикадзе, решивший таранить меня водным мотоциклом.

Я не стал дожидаться, когда машины столкнутся, словно два куриных яйца, а снова пустил свою «Ямаху» вскачь по волнам и, когда расстояние между нами сократилось до нескольких десятков метров, резко ушел в сторону. «Идиот» сразу же лег в вираж, отсекая мне путь к берегу. Я мог бы опередить его и на полной скорости подлететь к берегу, но там было множество подводных камней, и я, не имея возможности лавировать между ними, непременно бы разбился.

Понимая, что путь к берегу мне отрезан, я не стал дожидаться, когда «идиот» замкнет кольцо, и снова лег на левый борт, пуская «Ямаху» в открытое море. Все это происходило в течение считанных секунд. У меня не было времени раздумывать, кто этот человек с лицом, замотанным платками. Я лишь осознавал как неоспоримую истину: все это – продолжение той самой черной полосы, которая началась на Диком острове несколько дней назад. Я не знал, какую цель преследовал человек на серебристой «Ямахе» – хотел он меня убить или напугать, это в данный момент было не столь важно. На меня наезжали – в прямом и переносном смысле, и мне приходилось ретироваться.

Некоторое время мы гнали параллельно друг другу в открытое море. Держась за руль одной рукой, я выразительно постучал себя по голове кулаком. «Идиот» не отреагировал на этот понятный во всем мире знак и продолжал медленно приближаться ко мне. Я попытался выяснить его намерения и свернул в его сторону. Мой преследователь принял вызов и бросил свою машину мне навстречу. Я чудом избежал столкновения. Моя рука инстинктивно сбросила газ, и, встав на «хвост», мотоцикл описал широкий полукруг, разворачиваясь в сторону Судака.

Это, кажется, устраивало «идиота». Я мчался в обратном направлении с разной скоростью, делал пируэты на воде, останавливался, снова врубал форсаж, но серебристая «Ямаха» следовала за мной на неизменном расстоянии и незнакомец не проявлял никакой агрессии.

Я понял его – он не хотел подпускать меня к дикому пляжу, давая понять, что пойдет на таран, если я попытаюсь пристать к берегу.

Горы и пляжи, словно декорации в театре, побежали в обратном направлении: Черепаха, пляж ВМФ, гора Болван... Незнакомец конвоировал меня, предупреждая всякую мою попытку изменить курс. Я снизил скорость почти до минимума, обернулся назад и крикнул:

– Эй, парень! Ты ошибся, у меня вовсе не та сексуальная ориентация, о которой ты подумал.

Незнакомец не отреагировал. Может быть, он усмехнулся в ответ, но повязка скрывает это. «Сколько стоит такая машина? – думал я то ли всерьез, то ли в шутку. – Развернуться да подмять его днищем своей «Ямахи», а потом заплатить Моргуну?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.